

Екатерина Оленева

РАССЕЯТЬ
ТЬМУ

16+

Магическое сообщество

Екатерина Оленева

Рассеять тьму

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Оленева Е.

Рассеять тьму / Е. Оленева — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Магическое сообщество)

Вероника Старлинг позже всех попадает в Академию магии. И всё из-за родителей, которых считают погибшими. Героиня надеется, что родители живы, и пытается понять, что случилось? Кто стоит за их исчезновением? Может, родственники матери? Она упряма. Она найдёт ответы на все вопросы. Твёрдый характер поможет справиться с тем, что приготовила судьба. А что будет наградой? Возможно, любовь...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Автор обложки: neangel

Сток <https://www.pexels.com/>

Глава 1

Вокруг высились горы. Интересный ландшафт, сплошь и рядом состоящий из острых вершин. Местность чем-то напоминала драконью пасть с треугольными зубами. Я с любопытством подняла голову, разглядывая башенные шпили. Между ними, каркая, кружилось воронье.

Небо, растратив невинность утренней лазури, налилось густым сумраком; потеряло яркие краски, но взамен приобрело глубину.

– Мисс Старлинг? – окликнул меня мой проводник. – Поторопитесь! – устало, едва ли не брезгливо, поморщился он. – Министерство проявило неслыханную щедрость, взявшись оплатить вам обучение в Магистратуре Магии. Цените это! Подобный шанс даётся далеко не всем. Пора уже смириться со смертью родителей и жить дальше. Диплом Магистратуры Магии даст вам возможность сделать карьеру и обеспечить безбедное существование. Постарайтесь быть хорошей студенткой.

Из всего сказанного я услышала лишь одно и горячо возразила:

– Мои родители не погибли! Они пропали.

Конфетка в виде гранда со стороны Магического Департамента не могла меня утешить. Боль от потери не проходила, сколько бы мне не твердили, что со временем станет легче.

Говорили, с этим учишься жить. Я пока и дышала с трудом.

Но дыши-не дыши, а вперёд иди.

Мост возвышался не над рекой, а был перекинут через зияющую густой, мрачной чернотой, пропасть. Он тянулся бесконечно, едва ли не на милю. Замок над ним выглядел несокрушимой крепостью. Мощные, древние, наложенные друг на друга чары чувствовались сами по себе, без дополнительного сканирования. Пока эти чары находились в спящем состоянии, но, если их активировать? Даже думать не хотелось, к каким последствиям это может привести.

Огромные входные двери распахнулись перед нами с душераздирающим скрипом. Пространство за ними поражало габаритами.

Величественно. Масштабно. Подавляюще. Атмосфера как в церкви. Или – перед экзаменом.

Никогда не любила открытые пространства. Там живёт зычное эхо. Если бы у меня был хвост, я бы почтительно его поджала. Всё вокруг дышало надменным холодом, отличалось фундаментальностью и основательностью. Каждый камень дышал историей.

Историю я люблю. Надменность и снобизм – нет.

Человек, поднявшийся из-за стола поприветствовать нас, показался мне снобом. Он вызывал такие же противоречивые чувства, что и всё вокруг. Элегантный, с приятными манерами – настоящий джентльмен. Лицо умное, интеллигентное. В синих глазах с хитрым прищуром плескалась жизненная энергия и наблюдательность, что было подозрительно: интеллигенты, по моим наблюдениям, жизненной энергией не плещут.

– Кай Мэйсон, – представил мужчину адвокат. – Директор Магической Магистратуры и, по совместительству, с учётом трагических обстоятельств, – адвокат напряжённо кашлянул, – ваш опекун.

Совсем недолго мы в молчании разглядывали друг друга. Что подумал обо мне мой опекун судить не берусь, мне же он с первого взгляда показался человеком сложным. Из тех, про кого говорят – «с двойным дном».

– Я пойду, – засуетился адвокат, – ладно? Очень спешу. Мне пора.

Действительно, зачем оставаться? Всё, что от него требовалось, он сделал. Мои переживания – не его компетенция. В его юрисдикции счета моих родителей, а не моя душа.

– Надеюсь, всё у вас будет хорошо? – переминаясь с ноги на ногу, добавил он на прощание.

– Не беспокойтесь, – заверил его Кай Мэйсон. – Будет, – натянуто улыбнулся он.

– Если что-то понадобится, мистер Мэйсон, немедленно обращайтесь. Я всегда к вашим услугам.

– Благодарю.

Мужчины, пожав друг другу руки, распрощались.

– Проходи, Вероника, – дождавшись, когда дверь за моим адвокатом закроется, сказал директор. – Не стой на пороге. Надеюсь, ты быстро обживёшься? Правила у нас тут простые. Со своей стороны, мы стараемся делать всё возможное, чтобы студенты чувствовали себя если и не как дома, то, хотя бы, по возможности, как можно более непринуждённо. Ребята разные, в большинстве своём – славные. Уверен, у тебя будет много друзей.

Я в это не верила. Откровенно говоря, мне здесь совсем не нравилось.

Мой собеседник, словно прочитав мои мысли (не исключено что так и было) сочувственно вздохнул:

– Меня предупредили, что ты ещё не готова смириться с гибелью родителей. Всё ещё оплакиваешь их.

– Я не уверена, что они погибли.

– Вероника, – директор тяжело опустился в кресло и направил в мою сторону сочувствующий, но твёрдый взгляд, красноречиво призывающий меня трезво оценивать обстановку, – их экипаж нашли разбитым.

– И что? Это ничего не значит. Тел не нашли. И вообще... – я тяжело дышала, словно после пробежки, – вы вовсе не обязаны вести со мной душевительные беседы. Вы не мой родственник. Вы даже не мой друг. Я вижу вам впервые...

– Я твой законный опекун.

– Слово «опекун» лишь обычное министерское крючкотворство, не более того! Плевать я хотела на ваши бумаги, – тихо прорычала я, давая маленькому ручейку гнева, подтачивающего меня все последние дни, просочиться вовне. – Спасибо, что встретили, что уделили минутку, но моя дальнейшая жизнь не ваша забота.

Я повернулась к двери с твердым намерением покинуть комнату.

– Вероника! – оклик прозвучал властно. – Задержись-ка ещё на минутку. Боюсь, мне придётся сказать тебе не очень приятную вещь. – Он побарабанил пальцами по столешнице. – На самом деле, взяв на себя определённого рода обязательства, я получил вместе с ними и определённого рода права на тебя. Так что тебе *придётся* слушать мои советы. Пока ты не обзавелась новыми знакомыми, я здесь твой единственный друг. А ещё, – ты же видела? – дверь здесь большая. Так что, если чем-то недовольна, ты знаешь, что делать и куда идти. Но, если останешься, тебе предстоит многому научиться. Знаешь, что находится в приоритете в данном учебном заведении?

– Магия, полагаю? – воинственно вскинула я подбородок. – Магия и дисциплина. Аристократия ведь привозит сюда своих высокородных отпрысков не просто так? Они рассчитывают, что вы станете контролировать их.

– Дисциплина – хорошо, но я во всём предпочитаю разумный подход. Здесь пансион, а не тюрьма, Вероника, поверь, тебе нечего бояться. Для меня первостепенное значение имеют не родители, а сами ученики. Приоритетное направление Магической Магистратуры – это научить наших студентов идти правильным путём, продиктованным, прежде всего, совестью.

Что тут скажешь?

– Здорово.

– Хорошо, что ты так считаешь, – с лёгкой иронией кивнул Кай Мэйсон. – Ну что ж, добро пожаловать, Вероника, в скромную обитель, вверенную моему попечительству. Можешь

обращаться ко мне напрямую, в любую минуту, если сочтёшь, что моё вмешательство в твои дела будет уместно. Да-да! Я уже понял, что ты из тех, кто предпочитает решать проблемы самостоятельно, но в жизни ведь бывают разные случаи? Я буду на твоей стороне и всегда рад оказать поддержку.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила я.

– А сейчас я передам тебя в заботливые руки Джессики Гвен. Почтенная женщина занимает место управляющей и, по совместительству, доброго ангела хранителя нашей Магистратуры. Очень рассчитываю, что вы поладите.

Миссис Гвен мне понравилась. Она была явно не-леди, да и не претендовала на подобное звание. На вид ей было прилично за шестьдесят, но энергию женщине было по-прежнему не занимать. Невысокая, поджарая, с мужскими грубоватыми ухватками, она не пыталась производить приятное впечатление и тем скорее нравилась людям.

– Добрый вечер, – поздоровалась она со мной. – Жаль, что ты опоздала на целых две недели, девочка. Занятия уже начались. Ну, да ладно. Нагонишь. Пойдём, подберём тебе форму. Свод правил, действующих в пансионе, тебе уже рассказали?

– Здесь действуют какие-то особенные правила?

– Ну, особенные – не особенные, а знать их положено, – отрезала она. – Если директор тебе о них не рассказал, охотно сделаю это сама. Правила простые. Если не хочешь проблем, лучше быть пунктуальной: вовремя приходить на занятия, завтрак, обед или ужин. Любое нарушение карается отработками. И да, ещё – студенты должны всегда ходить в форме.

– С этим я справлюсь.

– Возьми на заметку, здесь нельзя носить украшения или пирсинг. Если используешь какой-то охранный амулет или артефакт, носи его под одеждой, а не напоказ, как украшение. Это понятно?

– Вполне.

– Категорически запрещается выходить ночью из комнат. За этим строго следят. В остальном у нас тут почти демократия. Если нужно будет что-то уточнить, потребуются разъяснения, обращайся к Дженис Вестер. Она у нас тут заведует учебным процессом.

За разговорами мы дошли до одной из многочисленных дверей на этом этаже. Положив руку на дверную ручку, миссис Глен обнаружила, что та заперта и возмущённо забарабанила в неё что было сил.

Ждать пришлось недолго. Дверь отворилась, и мы оказались в уютной комнатке, где жили две симпатичные девушки.

– Вы отлично знаете, что у нас нельзя закрываться! – попеняла им миссис Гвен. – Думаете, вас это не касается? Очень даже! Также, как всех других в Магистратуре.

Девушки переглянулись.

– Ваша новая соседка – Вероника Старлинг, продолжила миссис Гвен. – Амайя Хилл, Камилла Джейда. Как говорится, прошу друг друга любить и жаловать.

Девушки были прехорошенькие. Камилла, как и я, яркая шатенка. У неё были очень выразительные зелёные глаза, прозрачные, ясные – красивые. Амайя из тех девушек, кого легко представить себе рыжими, хотя на самом деле она оказалась блондинкой.

Мои новые соседки явно не слишком обрадовались появлению новенькой. Им и вдвоём неплохо жилось. Притёрлись друг к другу. Третий в их истории совершенно лишний.

– Я рассчитываю, вы окажете новенькой радушный приём. И не забудьте закончить с уборкой в свободное время! У вас вон пыль мхом на полках проросла!

С этими словами миссис Гвин и удалилась.

Стоять столбом посредине комнаты мне не хотелось. Положив чемодан на свободную кровать, я присела на её край.

В комнате стояла действующая на нервы, неприятная тишина.

Я чувствовала на себе взгляды девчонок, пока переобувалась. Понятное дело, что мне они не обрадовались, но я ни в чём не виновата. Куда подселили, туда и подселась.

«Нужно постараться поладить с ними», – подумала я тогда.

Соседи по комнате тесно связаны между собой, они почти как родственники. И тех, и других сам не выбираешь; и с теми, и с другими вынужден взаимодействовать. Будет лучше, если это взаимодействие всем сторонам окажется в радость.

Стараясь игнорировать недружелюбные взгляды и держаться как можно естественнее, я принялась распаковывать вещи. Начала с того, что поставила фотографию родителей на прикроватный столик. Камилла подошла ближе. Когда она подняла рамку со столешницы, я с трудом удержалась, чтобы не вырвать фотографию у неё из рук.

– Что это?

Напряжение между нами усиливалось.

– Ты не видишь?

Она усмехнулась ещё неприятней:

– Надеюсь, по ночам ты не станешь плакать и звать папочку с мамочкой?

Я вырвала фото у неё из рук и поставила на место:

– Боюсь, что буду!

– Но ты же большая девочка? Пора учиться самой заботиться о себе.

– Мои родители пропали без вести. Простите, но, возможно, ночами тут будет несколько сыровато.

Щеки Камиллы вспыхнули. На лице отразилось нечто среднее между смущением и раскаянием.

– Извини, – отступила она.

– Извинения приняты.

И не глядя я чувствовала, как мои соседки в очередной раз обменялись взглядами.

– Ты на какой факультет планируешь пойти учиться? – снова заговорила Камилла.

– Ещё не знаю. Есть особая разница?

– Ещё какая! Официально распределение ведётся по способностям.

– А не официально?

– Не официально зависит от твоего происхождения и богатства. Ну, и от расположения директора – немного.

– Из всего перечисленного могу похвастаться только последним, да и то чисто номинально. Мистера Мэйсона назначили моим опекуном.

– Правда? Твои родители были с ним в родстве?

– Я никогда раньше о нём не слышала.

– Тогда почему он?

– Понятия не имею.

Черёд дошёл до платьев, и я принялась развешивать их по вешалкам.

– Так много нарядов здесь тебе не понадобится, – сообщила Амайя, приблизившись. – Мы отсюда почти не выходим, а на территории Магистратуры разрешается носить только форму.

– Я уже слышала. Миссис Гвин сказала.

– Судя по всему, твои родители были очень богаты?

Камилла, закончив натягивать тёмные капроновые чулочки на стройные ножки вытянула их перед собой, чтобы полюбоваться.

– Мои родители не богачи и не аристократы. Обыкновенные люди.

– Отлично! – обрадовалась Амайя. – Наши тоже. Мой папа подмастерье у артефактора, а мама простая домохозяйка. А твои родители чем занимаются? – наткнувшись на мой взгляд, она ступсевалась. – То есть, я хотела сказать, занимались?

– Отец работал в СООЗЧМе.

Не уверена, что новость придётся мои соседкам по вкусу. К сотрудникам «Специального отдела охотников за чёрными магами» относились неоднозначно, их уважали и боялись одновременно. Впрочем, это распространено повсеместно. Новость о том, что перед тобой сотрудник КГФ или ФСБ ещё никого не заставляла скакать от радости. Большинству людей известно, что все эти спец агенты выполняют какую-то специальную сложную высокооплачиваемую работу, но вот какую именно, остаётся загадкой, тайной за семью печатями. Тайны порождают сплетни, за сплетнями по пятам следуют страхи, за страхом – ненависть, а за ненавистью – смерть. Такова жизнь.

– Ух ты! – отреагировала Амайя.

А Камиллаа зло сощурилась:

– А ты говоришь, что не из «элитных»?

– Отец был рядовым сотрудником. Ничего особенного – рутинная работа,

– А мама у тебя чем занималась? – решила вернуть разговор в прошлое русло Амайя.

– Ничем. Я же сказала – была домохозяйкой.

Мама нигде не работала не потому, что не хотела. Ей в судебном порядке была запрещена любая трудовая деятельность, связанная с магией. Она была *осуждённым* тёмным магом, пусть стараниями отца и отбывала срок условно.

Отец её и «поймал» во всех смыслах этого слова. Между родителями начались отношения, которые, как я полагаю, развивались сложно, с учётом их положения.

Белые и чёрные маги обычно плохо ладят между собой. В общем, не знаю, как там было до моего рождения, но на моей памяти родители очень друг друга любили. В их любви присутствовали и страсть, и взаимное уважение, и нежность, но всё это без той одержимости друг другом, что разрушает семьи чаще, чем полное отсутствие страсти или любви.

Для меня папа и мама навсегда останутся эталоном – эталоном человека, эталоном семьи. Людями, которых я всегда буду принимать безусловно, чтобы не было скрыто там, в их прошлом, какие бы скелеты не закинули они на чердак до моего рождения.

Я знала родителей как глубоко порядочных, умных, любящих людей, а если по отношению к кому-то они проявляли себя иначе – это не моё дело. У каждой монеты две стороны. Для меня важна только та, что повёрнута ко мне.

– А твоя мама чем занимается? – обратилась я к Камилле.

Та на мой вопрос поморщилась, но ответила, пусть и нехотя:

– Моя мама певица.

– Не просто певица. Мама Камиллы знаменитая Коллетт Джейда! – с гордостью представила Амайя.

– Несравненная Коллетт? – я постаралась голосом выразить высокую степень восхищения.

Это было чистым лицемерием, но что делать? С незнакомцами куда лучше быть деликатным и вежливым, как кот, чем проявлять медвежью искренность.

– Кто-нибудь, расскажите мне о Магистратуре? – закончив разбирать вещи, я уселась на кровать по-турецки, поджав под себя ноги. – Поподробней.

– Что рассказывать? Здесь настоящий серпентарий. Эти аристократы и к друг другу не особенно благосклонны, а на таких, как мы, смотрят как на мусор, – удручённо вздохнула Агайя.

Камилла кивнула:

– Они искренне считают нас людьми второго сорта. Все свои, так сказать, узкий круг, а мы тут так же уместны, как на корове седло.

– Ну что ж? – улыбнулась я. – Можно сказать, нам повезло. Мы в этот серпентарий попадём все вместе. По одиночке было бы гораздо хуже.

Девушки ответили мне улыбками.

Первый шаткий мосток между нами был построен. Очень надеюсь, что в будущем мы подружимся.

Глава 2

Девчонки охотно отозвались на мою просьбу показать здание и как здесь всё устроено.

Широкая деревянная лестница с резными перилами соединяла этажи и вывела нас в длинный сумрачный коридор с множеством дверей. Повсюду в здании было сумрачно и прохладно. Оставалось только догадываться, как местным обитателям удавалось выживать в январскую стужу, если даже в середине сентября здесь так зябко? Узкие стрельчатые окна со вставленными в свинцовую оплётку стёклами напоминали классические витражи. Потолки поддерживал массивные колонны и арки. Кое-где на стенах висели старинные ковры и гобелены, по углам стояли высоченные подсвечники.

Миновав огромный холл и широкий коридор с потемневшими от времени полами, мы остановились перед первой же дверью по левой стороне:

– Здесь столовая, – пояснила Амайя. – Дальше по коридору – актовый зал, гостиная, общая комната для отдыха.

Проходя мимо, в одной из комнат я заметила группу молодых людей. Они драили стены как заправские уборщики, что было весьма странно, учитывая несколько щегольской вид одного из них. Побрызгав очищающим средством на стекло, старательно растирали грязь тряпкой.

Забавное зрелище на самом деле, учитывая возможности современной бытовой магии.

Как я поняла, это и были знаменитые отработки, назначенные в ответ за провинности?

– Ты новенькая? – игриво подмигнул мне один из парней. – Привет! Помочь мне не хочешь?

– Дождись, пока сама напортачу. Тогда, может быть, сработаемся.

Классные комнаты находились в западном крыле здания. Туда вёл облицованный дубовыми панелями коридор, по центру которого, на самой большой стене, как икона в красном углу, висела огромная картина с запечатленным на ней зданием Магистратуры, датированная аж ещё 1804 годом!

На картине замок окружал то ли лес, то ли парк. В теперешней реальности ничего подобного не было, зато появились пропасть и мост.

Двери классов были тщательно пронумерованы, так что в решающий момент найти нужный кабинет не составило бы труда.

Классы с первого по двадцатый располагались в цокольном этаже. На первом счёт шёл с двадцатого по сороковой.

Обеденный зал выглядел уютней остальных помещений. На скатертях красовались подсвечники с зажжёнными свечами. Тарелки из фаянса, бокалы из хрусталя. Всё чин-чин.

Следуя за Камиллой и Амаей я скользнула на свободное место за ближайшим столиком.

Как только мы сели, обслуживающий персонал тут же поднёс нам ужин на подносах. Еда оказалась вкусной, но аппетита у меня всё равно не вызвала. Я ела не торопясь, стараясь растянуть время на ту небольшую порцию, что положила себе на тарелку, как можно дольше. Будь моя воля, я бы отказалась от ужина, но зависать над пустой тарелкой невежливо.

Есть я не хотела, а вот глазеть по сторонам – пожалуйста. Тем более, что посмотреть было на что. Не знаю, с чем это было связано: с тем ли, что волшебство, бродящее в крови подобно шампанскому, давало такой эффект, или причудливое сочетание ген? Может быть, дело в определённом достатке и воспитании? Но нигде раньше я не встречала такого количества красивых людей, как в этом зале! Здесь было удивительно много запоминающихся, западающих в память, интересных лиц.

И всё же, даже на таком фоне, выделялась одна компания, сидящая за соседним столиком напротив нас. Внимание моё сразу привлёк высокий парень с чёрными волосами. Красивый. Очень красивый! Не изысканно-тонкой красотой сказочных эльфов, а резкой и жёсткой, как у опасных хищников. Чётко очерченные острые скулы, хищный разлёт бровей – всё было при нём, но больше всего в душу западали глаза – тёмно-синие, по контрасту с бледной кожей они казались чёрными.

Лишь когда парень повернул голову и поглядел в мою сторону, многозначительно приподняв бровь, до меня дошло, что я тупо, беззастенчиво на него пялюсь, словно влюблённая малолетка. Под его взглядом меня окатила жаркая волна, стало трудно дышать. Я поспешила опустить ресницы, уставившись в тарелку.

Да что на меня такое нашло? Я нервно сглотнула. Почему глаза этого парня показались мне манящими озёрами? Может, магия? Хотя я и сама понимала, что подобные предположения – глупость. Кто станет применять магию к девчонке, видя её в первый раз?

– Кто этот парень? – спросила я у соседок.

Амайя и Камилла привычно переглянулись.

Я уже пожалела, что спросила. Не стоило так откровенно выказывать свой интерес. Ну, да ладно. Я же не в любви признаюсь? Просто интересуюсь. Что тут такого?

– Лоуэл Мэрл, – ответила Камилла.

– Звучит внушительно. И кто он такой, этот Лоуэл Мерл?

– Префект Воронов.

Я знала, что в Магистратуре подразделение идёт на девять факультетов, каждый из которых имел тесную связь с профилирующей стихией мага и с его природным даром.

Схематично и условно все факультеты делились на «чёрные» (вороны, волки, жабы, драконы) и «белые» (медведи, змеи, петухи, фениксы), а также традиционно по стихиям: воздух – петухи и вороны; вода – жабы и змеи; земля – волки и медведи; огонь – драконы и фениксы.

Особняком ото всех стоял факультет «кошек». Дети солнца и луны, они находились на границе дня и ночи, чёрного и белого, добра и зла.

Распределение обычно проводили спустя полгода обучения, когда студенты успевали проявить свои способности на первом экзамене. Причём результаты распределения зачастую становились большой неожиданностью для самого распределяемого, что в очередной раз подтверждает, как мало мы самих себя знаем.

– Он тёмная лошадка даже для своего тёмного факультета, – многозначительно проинформировала меня Камилла. – У них там ни одно дело не решается без Мэрла.

– А Вороны, впрочем, как Волки или Змеи, редко обходятся без склок и разборок. Они частенько перебрасывались не самыми приятными заклятиями, но Мэрл всех сумел взять под контроль. Мне кажется, он намного умнее их, – сказала Амайя.

Камилла поморщилась:

– Мне он представляется опасней всех остальных. Если у тебя есть хоть крупица разума, Вероника – держись от этого красавчика подальше.

– Он с кем ни будь встречается? – как бы между прочим уточнила я.

– Нет. Он девушками вообще мало интересуется. Может, просто времени на это не остаётся? Мэрл первый ученик Магистратуры, а этого не так-то просто добиться.

Судя по тому, как охотно Амайя отвечала на мои вопросы, ей самой нравилась тема разговора. Не исключено, что нравился и Мэрл.

– А, по-моему, всё гораздо сложнее, – пожала плечами Камилла. – Вокруг Мэрла всегда подвизаются странные типы. По-своему они, конечно, очень привлекательны, отличаются запоминающимся мрачным обаянием, но большинство из них, как мне кажется, склонны к насилию.

– И не стоит упускать тот факт, что все они богаче и знатнее Мэрла, но всё же верховодит именно он! – Амайя сказала всё это с таким выражением, что мне сложно было понять – осуждает она или восхищается озвученным фактом.

– Вокруг Мэрла бурлит вся жизнь Воронов. Порой противно смотреть, как они лебезят перед ним, – скривилась Камилла. – Мэрл грамотно выстраивает пирамиду из вассалов, только кто знает – какими средствами?

Мнения подруг об этом красавчике рознились.

Я снова покосилась на красивого парня, а он, вновь перехватив мой взгляд, заметно переделнулся. Вот высокомерная тварь! Да нужен ты мне очень! Я всего лишь стараюсь чем-то занять свой мозг, а ты достаточно яркий, чтобы за тебя цеплялся взгляд. Глянцевый мальчик, не больше. И мне плевать, что там про тебя рассказывают другие.

Дверь в столовую распахнулась. К нашему столу направилась шумная группа. Камилла расплылась в радостной улыбке.

Признаться, парни были симпатичными, хотя и не такими красавчиками, как Мэрл, но тоже очень даже ничего.

– Привет, девчонки! Можно к вам?

Я вспомнила – один из них предлагал мне помочь им в уборке, темноволосый, с вредной, но смышлённой физиономией.

– Это Ньют Огден, – представила его Амайя.

Второй был шатеном. Улыбка у него была красивая – белозубая и открытая. Эдакий «хороший парень», девчонки часто сохнут по таким.

– Я – Вин, – представился он, протягивая руку для пожатия.

– Просто – Вин?

– Вин Гейр, – добавил он и улыбка его стала ещё шире.

– Ну, новенькая, что расскажешь? – усаживаясь рядом с Амайей подмигнул мне Ньют.

– Расскажу? – удивилась я. – О чём?

– Хотя бы о том, почему явилась на две недели позже остальных?

– Кому-то из вас интересно?

– Те, кто может стать друзьями, всегда интересны, – вставил слово Вин, забрасывая руку на спинку моего стула как бы между прочим.

Мне это не понравилось, но грубить и сразу портить отношения не хотелось. К тому же я не знала, может быть, здесь так принято? Может, он вовсе не имел ввиду «ничего такого», а я со своей игрой в недотрогу могу выглядеть дурочкой.

– Ньют просто хочет узнать тебя поближе. Мы все хотим, – добавил Вин.

Я мимолётно отметила, что у него выразительные глаза и взгляд заинтересованный.

– Оставьте Веронику в покое, – ворчливо велела им Камилла, помешивая соломинкой в апельсиновом соке и обиженно надувая губы.

Внимание парней к моей персоне ей не нравилось. По всему видно, она привыкла быть в его центре и уступать эту роль никому не желала.

– Поверьте, у неё были весьма весомые причины явиться позже остальных.

– Что же это за причины такие? – хмыкнул Ньют.

– Родители пропали.

– Как это – пропали? Хотя, постой, постой! Ты ведь Вероника Старлинг?! Выходит, Олджер Старлинг – твой отец?... Во, дела!

Пподвижная физиономия Ньюта за одну секунду отразила широкий спектр эмоций от восхищения до соболезнования.

– Очень жаль, что с твоими родителями случилась беда, – тихо заметил Ньют. – Соболезную.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила я их, с удивлением осознавая, что меня не раздражает и не ранит эта тема. Наверное, впервые с того момента, как я услышала о случившемся несчастье.

– Вероника? Красивое имя, но длинное, – в задумчивости сощурил серые глаза Ньют. – Как к тебе лучше обращаться? Ника? Как к богине победы?

– Лучше Вера. Мне так больше нравится.

– Так и запишем.

– Вы слышали о вечеринке по случаю начала нового учебного года? – решила сменить тему разговора Камилла. – Говорят, это самый топ.

– А нас туда разве пустят? Мы же ещё даже не первокурсники. Распределения не было, – нахмурился Ньют.

Он, кажется, как и я, не очень любит вечеринки?

– Лучше расскажите нам, как продвигается ваша работа с новыми заклинаниями? – поинтересовалась у парней Амайя. – Хотя что ни будь получается?

– Вау! – не забыла восхититься я. – Вы создаёте новые заклинания? Правда? А это не слишком, учитывая наш ещё пока низкий профессиональный уровень?

– Смотря что создавать, – хмыкнул Ньют. – Проект простенький, даже при возникновении побочки не наделает проблем.

– Что за проект? – изобразила я заинтересованность.

Вин ответил со смущённой улыбкой:

– Заклинание для размешивания и заливания бетона.

– Что?! – рассмеялась я. – Бетон?.. Зачем?

– Вин интересуется строительством, – пояснил Ньют. – До того, как у него подтвердились магические способности, он мечтал возглавить строительную фирму. Ну, или на крайний случай стать капитаном футбольной команды. Он пока ещё не до конца определился. Мы тут вот подумал, что с весёленьким заклинанием строительство пойдёт быстрее!

Договори, Ньют залпом допил свой апельсиновый сок.

Вин продолжал смущённо улыбаться, глядя на меня:

– Не слушай их. Это всё глупости. На самом деле я занимался этим просто, чтобы убить время. Оно ужасно медленно тянулось. Когда ты узнаешь, что волшебство в самом деле существует, что ты к нему как-то причастен, тебе не терпится попасть в такое место, как это. Для таких, как я, это всё равно что попасть в другое измерение!

– Ты из семьи не-магов? – во мне тоже шевельнулось любопытство.

Никогда прежде не приходилось видеть тех, кто не из нашего мира.

– Наверное. Я не знаю, как это у вас здесь называется?

Я скользнула взглядом по новым знакомым. Итак, что имеем в сухом остатке? Признаем правду – все мы в Магическом Сообществе не высший сорт. Амайя говорила, что её отец работает на артефактора, значит, сам он выходец из не-магов. Выходит, она, в лучшем случае, волшебница во втором поколении? В Магическом Сообществе это приблизительно то же самое, что быть ребёнком эмигранта из стран Третьего Мира, то есть, юридически у тебя есть все права, а вот де-факто всё иначе.

Камилла дочь певички, то есть магический дар у неё, может, в наличии, но далеко не самый сильный. Ньют? Он, вроде, в курсе того, чем занимался мой отец, значит, в магическом мире не новичок. А Вин, как выяснилось, и вовсе чужак. Трудно ему будет. Жаль. Хороший парень.

Из-за соседнего стола, поужинав, поднялись с небрежностью всегда уверенных в себе людей. Хищный красавчик даже не поглядел в нашу сторону, будто мы были пустым местом. Мы просто сборище неудачников в его глазах? Серая масса, на которую едва ли стоит тратить своё королевское внимание.

Да и пошёл ты!

Почему меня вообще занимает, куда он там смотрит? Какое мне до этого дело?

Вечером, перед сном произошел инцидент, небольшой, но он ещё больше испортил мне настроение.

Дождавшись, пока Амайя уйдёт в душ, Камилла окликнула меня:

– Вероника?

– Да? – подняла я голову, выпуская из рук одеяло, что заправляла в пододеяльник.

Что-то в её позе заставило меня напрячься.

– Я скажу кратко, но так, чтобы ты поняла, – заявила она. – Стоит мне захотеть, твоя жизнь превратится здесь в ад.

Вообще-то я была настроена мирно, но никогда не позволяла бросать мне вызов. Первой я обычно в конфликт не лезу, но и избегать его не в моих правилах.

– Правда?

Камилла молчала, воинственно скрестив руки на пышной груди.

Поняв, что продолжения не дождусь, я добавила:

– С чего бы тебе превращать мою жизнь в ад? Я чем-то тебе не понравилась?

– Ты – хитрая лиса, – прозвучало в ответ. – Наглая и дерзкая. Это веская причина?

Вообще-то – да, характер в иные моменты у меня не сахар. Но пока я была просто ангелом. Во-первых, мне вообще было мало дело до других, я с депрессией пыталась справиться. Во-вторых, я пыталась произвести хорошее впечатление и завести друзей. И вот награда: «я лиса, наглая и хитрая». И как там ещё? Дерзкая, вот!

– Прости, но я не понимаю, что ты сейчас несёшь? – в упор уставилась я на соседку. – А главное – зачем? Не могла бы ты разъяснить свою мысль поподробней?

Камилла вся подобралась. Лицо её сделалось злее и решительней.

– Ты мне в подмётки не годишься, ясно? Поэтому даже не пытайся увести у меня Вина.

Я так и села. И ещё ресницами от удивления захлопала.

– Что?!

– Ты никогда его не получишь!

Я не смогла сдержать смеха. Вина запомнился мне как отличный парень, но... он был во френд-зоне. Тут с моей стороны Камилле ничего не грозило.

– Не волнуйся. Я не собиралась соперничать с тобой, – заверила я её. – За внимание вина так совершенно точно.

– Вот и отлично! – высокомерно задрала подбородок моя предполагаемая соперница. – Заруби себе на носу – до Вина и Ньюта тебе далеко. Тебе их не достать.

Всё смешнее и смешнее. Оба парня мне понравились, но только как кандидаты в компанию. На их мужское внимание я не претендовала. Однако тон Камиллы мне не нравился. Я решила сбить с неё спесь.

– В самом деле? – хмыкнула я, в свой черед скрещивая руки и буравя её взглядом.

Какое-то время она в ярости смотрела на меня, а потом позволила себе не мыслимое – протянула ладонь и уничижительно хлопала меня по щеке! Короткими, мягкими, нисколько не болезненными шлепками. Но она посмела до меня коснуться! Нарушить моё внутреннее пространство! И сделала это с явным пренебрежением.

– Спокойной ночи, Вероника.

Девчонка играла с огнём. Я могла бы устроить ей горяченькую ночь. И почти решила сделать это, но решила повременить с войной. По двум причинам. Первое – хотим мы того или не хотим, но в ближайшее время желательно сосуществовать вместе так, чтобы преподам не пришлось разруливать наши конфликты. Второе – она всерьёз запала на Вина, а мы, девчонки, когда влюбляемся, с мозгами не дружим, а с дурочками спорить глупо.

Однако спускать дерзости в свой адрес – провоцировать их повторение. Я решила проучить её немного, но уладить дело без магии.

На всё на это ушло куда меньше времени, чем на то, чтобы это пересказать. Камилла не успела убрать руку от моего лица, как я схватила её за ладонь, заломила ей руку за спину и толкнула лицом в стену с ловкостью заправского полицейского. По силе мы были примерно равны, но я гораздо тренированней.

Не ожидавшая от меня такой прыти, Камилла болезненно охнула, пару раз дёрнулась, но поняв, что это бесполезно, замерла, прошипев:

– Какого чёрта?!

– Слушай меня теперь ты очень внимательно, – спокойно сказала я, не повышая голоса. – Никогда больше не говори со мной в таком тоне. Не смей касаться моего лица руками. Это правило. А правила нужно соблюдать, чтобы не случилось. Ты меня поняла?

– Пошла ты!.. Ой! Пусти, дура!

Это я потянула её кисть вверх, усиливая тем самым неприятные ощущения в заломленной руке.

– Ты поняла правило?

– Ты теперь будешь устанавливать здесь правила? – с сарказмом протянула девушка.

– Только если это будет необходимо, как сейчас, например. Ваши дела меня не касаются, но меня больше не задевай. Или мы поссоримся по-настоящему.

– Уже поссорились!

Я наклонилась к её уху и выдохнула:

– На самом деле ещё нет.

Потом отпустила свою незадачливую неприятельницу и отступила на шаг.

– Я готова забыть об этом маленьком инциденте и твоих плохих манерах, но с условием, что впредь ты станешь со мной образцово вежливой.

На лице Камиллы снова промелькнуло злое, вздорное выражение.

Неизвестно, до чего бы мы так с ней договорились, но в этот момент дверь в ванную открылась и вместе с клубами пара оттуда выплыла Амайя, вытирая волосы полотенцем.

При виде нас она замерла:

– Девчонки?.. Всё в порядке?

Обменявшись волчьими взглядами, мы, не сговариваясь, кивнули:

– Конечно.

Глава 3

Утро – оно такое утро, когда просыпаешься в шесть часов в надежде первой занять ванную, но обнаруживаешь, что тебя опередили. Мать её, Камилла Джейда, встала раньше! Кажется, у нас с этой девицей намечаются непримиримые противоречия? Которые, нравится мне это или нет, как-то придётся примирять если мы не хотим повышать градус конфликта. А мы ведь не хотим?

Я начала упражняться во смирении тем, что собрала вещи на занятия и даже успела погладить форму, пока соперница принимала утреннее омовение.

В ванну всё-таки удалось прошмыгнуть перед Амайей. Мы даже на завтрак ухитрились прийти вовремя и втроём.

За окнами было серо. Зарядил нудный дождь. Осенью он всегда монотонный и длинный, а первые капли в сентябре означают конец тепла и лета. В обеденном зале было тепло, даже душно. И многолюдно. Свет, льющийся с потолков, казался пронзительно резким.

Ньют и Вин уже приветственно помахали руками со своих мест.

– Доброе утро, – сверкнул зубами Вин.

Он сиял так, словно намеревался высосать из мира весь негатив. И явно надеялся на улыбку в ответ. Ну, уж нет! Пусть Камилла ему улыбается. А то как бы она прилюдно сцену не закатила.

Вчерашний красавчик и компания не только были уже здесь, но даже успели покончить с завтраком и, судя по всему, собирались уходить.

Сам Мэрл вёл себя отстранённо, а вот его товарищ (или кем он ему там приходился?) явно решил выделиться.

– В следующий раз поворачивайся побыстрее, – хмыкнул он, бросая официанту чаевые, словно собаке подачку.

Парень был смазлив до неприличия. Его пижонские волосы, длинную до плеч, западали бы в душу, не будь рядом с ним второго – молчаливого. Но и непосвящённому ясно – куда более опасного.

– Морел! – окликнули напыщенного пижона. – Будь-ка повежливей!

Морел? Вот как? Родственничек, значит?

Парень поглядел на одёрнувшего его учителя с недовольством, но в следующую секунду улыбнулся. Правда, улыбка вышла откровенно неприязненная.

– В следующий раз неси заказ побыстрее... пожалуйста, – протянул он, обращаясь к официанту.

Остальные в их компании не прятали издевательских усмешек. Все, кроме Мэрла. У последнего был такой вид, словно он отрешился от происходящего, будто все мы были ниже его достоинства или внимания.

Неприятный тип! И компания соответствующая.

– Что вам принести, девушки? – на этот раз один из официантов обращался уже к нам.

– Принесите три бургер и кока-колу.

Бургер? Кола? С утра? Серьёзно? Но не изображать же капризную малышку? Придётся есть эту муру хотя бы из солидарности.

– Да! Ещё луковых колец принесите, пожалуйста, – добавила Камилла.

– И кофе. Капучино, если можно, – воспользовавшись моментом, попросила я.

Перед первыми занятиями я немного нервничала. Интересно, нас уже начали готовить к распределению. Много ли ли я пропустила? Уже прозвенел предварительный звонок. После второго звонка следовало оказаться за партой в полной готовности к занятию.

С некоторым разочарованием я для себя отметила, что ничего необычного в обустройстве классов не было. Аудитории как аудитории.

Та, в которую вошли мы, напоминала амфитеатр с ярусными рядами. У основания первых парт, словно арена, располагалась профессорская кафедра. Вокруг было мрачновато. Создавалось впечатление, что тут уже лет двадцать ничего не обновлялось. Не в том смысле, что всё было обшарпанное или неряшливое, просто смотрелось как винтажное ретро, нас словно на машине времени лет на тридцать назад унесло.

В школах, как ни крути, персонал был преимущественно женский, а здесь мужчин в преподавательском составе было достаточно. Откровенно говоря, молодой человек, дожидавшийся начала занятий у кафедры, не походил на учителя, слишком импозантный и вальяжный. Прищурившись, он иронично наблюдал за всеми нами, пока мы занимали свои места.

– Ого! – протянула Амайя. – Новенький? Я его раньше здесь не видела.

Звонок прозвенел в третий и уроки начались.

– Доброго утра, молодые люди, – сделал шаг от кафедры преподаватель, привлекая к себе внимание. – Начну я нашу встречу, пожалуй, с того, что представляюсь. Будем знакомы, я – Фернандо Дорио. Работал в разных учреждениях. Имею три степени: магическую, педагогическую и психологическую.

Учитель зачем-то криво усмехнулся и медленно двинулся между рядами:

– Вот список литературы на эту четверть.

– Ничего себе! Внушительный! И как успеть всё это прочитать? – воскликнул кто-то.

– Я вас огорчу, молодой человек – прочитать придётся книги, а не список. Кроме того, это только начало. И ещё – те, кто на первом ряду, поменяйтесь местами с теми, кто на последнем.

– Это ещё зачем?!

– Мои слова не рекомендация, а чёткое указание. Непослушание не потерплю.

Хотя это было сказано с улыбкой, стало понятно, что лучше не перечить.

Хорошо, что мы заняли позицию золотой середины. Делать лишние телодвижения не пришлось.

– Прежде, чем начать учебный процесс и составить план, проведём входящую диагностику.

Учитель взмахнул рукой. Перед нами материализовалась доска. Мел словно сам собой выводил каллиграфическим почерком вопросы для первого и второго варианта.

Объяснив порядок разделение, нам было велено приступить к ответам.

Перечислить и кратко охарактеризовать факультеты Магистратуры, объяснить символику тотемных животных.

Магические палочки и жезлы как проводники и катализаторы магической энергии.

Бонус ко второму вопросу:

Объяснить принцип действия полёта на метле.

– На написание самостоятельной работы у вас сорок пять минут. Приступайте.

Затруднений вопросы у меня не вызвали. Принцип разделения на факультеты в Магистратуре был элементарен и прост:

1)

Темная и Светлая магия связаны с Жизнью и Смертью. Подразделения условны, так как не существует заклинания, которое невозможно было бы использовать человеку во вред, также, как не существует заклинания, которым невозможно принести пользу.

Темная магия имеет дело с некротической энергией, светлая – с жизненной.

Чтобы использовать некротическую энергию для созидания нужно быть Архимагом, то есть, чародеем высшего уровня. Для того, чтобы нагадить ближнему своему, глубокие познания в Магии Света не нужны – достаточно азов. Наверное, именно с этой особенностью связан тот факт, что в истории осталось гораздо больше имён тёмных магов, чем светлых.

Подразделение на факультеты связано с четырьмя основными стихиями: воздух, земля, огонь и вода.

Тотемные животные. Не просто так привязаны к факультетам. Как правило, закончившие тот или иной факультет владеют способностью обращаться именно в тотемного зверя.

При обращении высвобождается животная, первозданная энергия, пополняющая магические резервы чародея. За счёт усиления процессов метаболизма маг может исцеляться от ран или инфекция, даже процессы омоложения организма включаются.

К плюсам относится прямой эффект обращения – перекинувшийся в животное маг может собирать информацию, покрывать большие расстояния. Те, кто умеет обращаться в птиц, имеют шанс отрываться от своих врагов, ведь очень немногие существа способны настигнуть тебя в полёте.

Но есть в обращении и минусы. При неправильном процессе или недостатке умения зверь может взять верх над человеком, именно от таких случаев среди людей пошла гулять легенда об оборотнях.

Второй минус заключается в том, что можно застрять в зверином обличье на какое-то время, в чём тоже хорошего мало.

Существует восемь классически факультетов:

Тёмная магия
Светлая Магия

Огонь
Дракон
Петух

Воздух
Ворон
Феникс

Вода
Змея
Лягушка

Земля
Волк
Медведь

Особняком стоит девятый факультет – Кошки. Дети Луны и Солнца, способные одновременно управлять двумя потоками энергии: жизни и смерти.

Моя мать была истинной Кошкой. И я, в свой черёд, надеялась, унаследовать её способности.

У отца магических способностей не было вовсе, хоть он и знал о магии всё. Знал для того, чтобы находить и уничтожить её во всех проявлениях. Но охотники, они же Инквизиторы, были обычными людьми, без всякой примеси волшебной крови.

Может быть, непримиримость Инквизиции к нашему племени обусловлена не затихающей завистью? Знать, видеть, но не уметь овладеть тем, что там близко – чем не повод для жестокой агрессии?

Итак, с факультетами разобрались. Переходим ко второму вопросу – палочки, жезлы, мётлы. Волшебные. Однако истина в том, что волшебством они обладают только в руках волшебника. В руках не-мага это просто бесполезные куски дерева, в большей или меньшей мере инкрустированные драгоценными металлами и камнями. В лучшем случае имеющие лишь эстетическую ценность.

В Магическом Сообществе эти артефакты играют роль проводников, помогая энергии, заключённой в каждом волхве, оказывать концентрированное воздействие, тем самым облегчая волшебнику работу. При постоянной работе с одним и тем же артефактом последний как бы намагничивается, или, можно ещё сказать, пропитывается энергией мага с тем, чтобы в дальнейшем легче и теснее взаимодействовать с ним.

Существуют артефакты, передаваемые из поколения в поколения. В таком случае они играют дополнительную роль – роль резервуаров, в которых энергия накапливается и аккумулируется. Поскольку генетически и энергетически родственники обычно схожи, то они легко могут запускать фамильные артефакты в работу. Именно с этим пунктом связано и то, что не каждый артефакт или волшебную вещь можно подчинить себе.

Сама вещь не испытывает ни эмоций, ни симпатий, ни антипатий. Она – не живая. Поэтому некоторые попытки отдельных магов «подружиться» с отторгающими их предметами в лучшем случае смешна, а в крайнем – опасна. Если энергия, заключенная в артефакте, враждебна твоей, активизировавшись, она может тебя уничтожить при условии, что её там больше, чем в тебе, правда, это случается очень редко, но всё же бывает.

Уничтоженный ценный артефакт всегда печальное событие. Ведь в умелых руках даже самые чёрные и опасные раритеты могут быть использованы с пользой. Ну, например, сильный некромант создаёт какую-то вещь, способную поднимать зомби. Саму вещь можно нейтрализовать, а вот энергию перекачать в другой артефакт и его уже использовать для чего-то другого – действие меняется, энергия остаётся.

Я на минуту прервалась, задумавшись, правильно ли я доношу свою мысль. Но, поскольку переписывать работу всё равно времени уже не было, решила оставить как есть и перейти к маленькому бонусу о летающих мётлах.

Правда в том, что не существует никаких специальных ведьмовских метёлок – лететь может любая, потому, что летит, собственно, не метла – летит ведьма. А метла при это играет роль руля. Без направляющего вектора в облаках вас будет швырять из стороны в сторону, вы увязнете в воздухе, как муха в янтаре. А твёрдое древко хорошей метлы позволит вам концентрироваться, следовательно, лететь в нужном направлении с куда меньшими энергозатратами.

Вот такие пироги.

Я управилась с заданием на десять минут раньше положенного и была этим очень довольна. Оставалось дожидаться результатов оценки.

Вторым уроком в расписании числилась «Символика и нумерология». Переходить в другую аудиторию для освоения новых знаний и умений нам не требовалось. Для целей и задач нового предмета вполне подходила старая обстановка.

Дама, ведущая предмет, представилась как Дженис Вестер. Преподавала она по совместительству, а по основной должности числилась заместителем директора.

Приятной она мне не показалась. И явно была из плеяды «тёмных».

– Сушёная вобла, – выдал краткое резюме Ньют озвучивая мои мысли.

Дама действительно походила на сушёную воблу. Если воблы, конечно, бывают симпатичными брюнетками?

– На воблу непохожа, – возразил Вин. – Вон какие буфера.

– Вобла – не в смысле фигуры. Я эмоции имел в виду, – с лёгким оттенком презрения пояснил другу свою мысль Ньют.

– Добрый день, класс, – деловито начала мисс Вестер.

Всё в неё было деловитым – тон, костюм, макияж.

– Рада снова видеть вас на своём уроке. Предлагаю начать с того, чтобы повторить материал, пройденный на прошлом занятии. Итак, отвечать ко мне пойдёт...

Она щёлкнула пальцами и в воздухе золотыми буквами оказалось написанной фамилия:

– Вероника Старлинг.

Услышав своё имя, я вздрогнула от неожиданности и, в первый момент растерявшись, осталась сидеть на месте.

– Вероника Старлинг? – повысила голос преподаватель. – Отсутствует?

– Я здесь!

– Готовы отвечать?

– Вероника только вчера вечером прибыла в Магистратуру, – вступился за меня Вин, чем заслужил недовольный взгляд от Камиллы.

– И что? – вздёрнула бровь суровая дама.

– Она не была на прошлом уроке и, естественно, к сегодняшнему занятию не готова.

– Да неужели? – насмешливо протянула учительница. – А у мисс Старлинг язык есть? Сама ответить за себя она не способна?

– Вполне, – поспешила заверить её я. – Я могу попытаться ответить и на остальные ваши вопросы. Вдруг мне повезёт? Вдруг окажется, что я знаю ответы?

– Отлично, – кивнула мисс Вестер. – Прошу, – указала она мне на середину кафедры, на место рядом с собой.

Публики я не боюсь, хотя не могу о себе сказать, что наслаждаюсь всеобщим вниманием, но на этот раз почувствовала себя неуютно под тремя десятками светящихся любопытством глаз.

Преодолев разделяющее нас расстояние, я замерла рядом с Дженис, дожидаясь, когда она озвучит вопрос. А она молчала, разглядывая меня.

– О чём мне следует рассказать? – решила разрушить я затянувшееся, готовое стать неловким, молчание.

Она вздрогнула, словно очнувшись и поспешно выдала:

– Раскрой важность значений символов и опасность недостатка знаний по этому вопросу. Это было легко.

– В магии существует своя система использования магических символов и рун. Чаще всего это наука о создании артефактов при вызове духов или демонов. Неграмотное использование символов, неточность исполнения при их нанесении очень опасны, а ошибки допускаются часто. Например, пентакль и пентаграмму очень легко спутать, ведь они очень похожи: и в первом, и во втором случае мы видим пятиконечную звезду в кругу. Но в одном случае вверху находятся три луча звезды, а во втором – вверх подняты лишь два, похожих на дьявольские рога. От этого маленького, для непосвященного взгляда неприметного нюанса, полностью меняется значение и воздействие символа.

Пентакль обозначает главенствующий над четырьмя стихиями дух – магический или божественный. Если одна вершина в изображении пентакля будет направлены вверх, а четыре как бы расположены под ней, пентаграмма будет работать как защита. Это символ благой магии, знак охраны и безопасности.

Если звезду перевернуть, – я продемонстрировала свои слова, создав в воздухе визуальную презентацию, – то вместо охранной пентаграммы мы получим «знак зверя». Та самая двуострая корона, в которую легко вписывается голова козла – животного, посвящённого дьяволу. При таком расположении нижние лучи, обозначающие стихии, оказываются главенству-

ющими над изначально управляющим ими Духом и материальное ставится выше духовного. Чаще всего именно такую символику используют при призыве демонических существ. При этом дьявольская пентаграмма, заключённая в круг, все равно способна исполнять свою защитную функцию для призывающего.

Ещё перевернутая пентаграмме может использоваться при создании проклятий.

Воздействие пентаграмм можно усиливать или воздействовать, помещая внутрь неё другие символы или знаки.

Я смолкла, взглянув в сторону мисс Вестер.

– Мне больше нечего добавить к сказанному.

– Что ж? И того, что вы сказали, мисс Старлинг, вполне достаточно, особенно, если учесть, что вы не готовили урока. Неплохо.

– Всего лишь – неплохо? – недовольно пробурчал Ньют.

– Я хотела сказать, что за сегодняшний ответ вы получаете «отлично», мисс Старлинг, – нахмурилась миссис Вестер. – Вы довольны?

– Вполне.ю

– Что ж? Можете вернуться на своё место.

– Поздравляю, – кисло улыбнулась мне Камилла. – Кажется, ты понравилась нашей мегере. Это настоящий успех, подобное мало кому удаётся.

Я улыбнулась в ответ, сделав вид, что приняла её слова за комплимент. Хотя, естественно, комплиментом это не было.

– Итак, – продолжила вести урок миссис Вестер, – о пентакле мисс Старлинг рассказала очень подробно, но это сложная фигура, до её использования вам ещё нужно дорасти. Сегодня мы поговорим о более просто символе – о Египетском кресте жизни. Этот символ христиане позже взяли в свою религию, оставив энергию символа, но солгав людям о его подлинном значении.

Для христиан крест есть символ их казнённого бога. Но простая логика говорит о том, что их божество могли утопить, распять, повесить. Что тогда? Христиане поклонялись бы висилице? Сомневаюсь. Не-маги всего лишь взяли истинный символ и подогнали его под свою лживую религию. Крест Анх изначально обозначал вечную жизнь, не прекращающуюся со смертью. Это символ напоминает ключ (или ключи стали делать похожими на древний символ, что куда более логично). Он способен открывать вход в потусторонний мир, помогает наладить связь людей с богами. Сам крест заключает в себе два символа – крест и петлю. Крест состоит из вертикальной палки (восходящая и нисходящая энергия), горизонтальная палка – ограничение существования любой энергии в материальном мире, петля – возрождение и возвращение.

Таким образом крест Анх символизирует сразу несколько вещей: связь земли и неба, человеческого и божественного, бессмертие души; ключ, как к истине, так и к порталам; способность проникать в тайное и скрытое; объединение женской и мужской энергии, символ рождения новой жизни.

Крест Анх один из самых благих символов. Возможно ли каким-то образом его видоизменить так, чтобы использовать для чёрных ритуалов?

– Да проще простого, – хмыкнул Ньют. – Всего лишь убрать из изображения знак Смерти.

– Какой именно? – улыбаясь, уточнила мисс Вестер.

– Нижнюю его часть, оставив горизонтальную черту и петлю над ней. Такие знаки часто используются для призыва смерти недоброжелателям.

– Правильно, – удовлетворённо кивнула мисс Вестер. – В повседневной жизни крест Анх часто используют не-маги. И нам всем везёт, ведь в их руках артефакты не работают. Кто назовёт три основные ошибки, по причине которой оберег в их руках недействителен? Да, мисс Джейда? Отвечайте.

– Любой символ, даже обладающий самой мощной энергетикой, сам по себе пустой и работать не будет, если его правильно не аккумулировать. Чтобы крест Анх оберегал своего носителя, нужно правильно подобрать металл. Женщины должны носить крест из серебра, мужчины – из золота. Не допускается никаких цепочек или верёвок, анх будет действовать только на кожаном ремешке и только после специальной активизации.

– Не-маги активизируют артефакты, окропляя его святой водой, – напомнил Ньют.

– Молодцы, ребята, – похвалила нас учительница. – Итак, чтобы активизировать артефакт в виде древнейшего символа, вам потребуется... а почему никто не записывает? – свела брови мисс Вестер и мы бросились выполнять её указание, наколдovывая тетради и ручки.

Следующим в расписании стояла практическая магия. Вести её должен был сам Кай Мэйсон, мой дражайший опекун. Все с нетерпением ожидали этого занятия. Я с удивлением поняла, что интерес вызывает не только (и не столько) предмет, сколько личность преподавателя.

Чтобы попасть на занятия пришлось пересечь половину Магистратуры и спуститься на нулевой уровень, находящийся ниже уровня первого этажа. Сокурсники называли помещение лабораторией.

В моём представлении лаборатория это нечто, заставленное колбами и химическими составами, здесь же был настоящий магический зал для тренировок. Пространство было просто огромное. Оно тянулось подо всем зданием и, откровенно говоря, находиться здесь было неприятно.

Размеры подавляли.

Освещение вспыхивало в той части, где появлялись люди, но чем дальше уходило пространство вдаль (или вглубь), тем темнее оно становилось, пока полностью не растворялось во мраке, оставляя лишь догадываться, что таится дальше.

Мистер Мэйсон дожидался нас, присев на край своего стола, вертя в пальцах волшебную палочку. За ним в креслах сидела компания Воронов.

Мой взгляд с любопытством скользнул к Лоуэлу Мэрлу. Я вовсю пользовалась случаем, чтобы глядеть на парня под тем благовидным предлогом, что меня к этому принуждает учебный процесс.

– Добрый день, – улыбнулся директор и взгляд его на несколько секунд задержался на моём лице. Он тут же отвёл его, но я успела прочитать одновременно и интерес, и беспокойство. – Я рад приветствовать всех на своём уроке. Сегодняшняя тема: «Упыри и как с ними бороться». В нашем расписании есть небольшой изъясн, как вы, наверное, успели заметить? Энциклопедия чудовищ числится следующим уроком, так что, в нашем с вами случае, теория опережает практику. Но это не беда, правда. Приступим?

Со всех сторон понеслись одобрительные выкрики.

– Отлично! – улыбнулся Кай Мэйсон. – Позвольте представить вам моего ассистента. Он продемонстрирует вам приёмы уничтожения тёмной сущности.

Все притихли, замерев от любопытства. Лоуэл не только мне не казался достаточно сильным и взрослым, чтобы самостоятельно прикончить монстра. И в тоже время расчёт преподавателя был прост. Когда ты видишь, что кто-то, кто не слишком сильно отличается от тебя самого, успешен в той или иной деятельности, поверить в себя и справиться с задачей всегда легче.

Несколькими взмахами волшебной палочки профессор создал между нами и Мэйлом ограждение из металлической сетки, заключив того в нечто, напоминающее собой клетку.

Свет погас почти полностью, слабое освещение дрожало лишь над действующими лицами. Вернее, над действующим лицом.

Потому что Лоуэл Мэрл оставался в одиночестве.

Он стоял спокойно и только по тому, как крепко сжимал в руке палочку можно было догадаться, что он напряжён и, возможно, волнуется.

Когда в клетке стали появляться белые полосы тумана, потянувшиеся в разные стороны, точно щупальца спрута, Вин хмыкнул:

– Что за нелепые спецэффекты? – шепнул он. – Мы же не на представление пришли?

Вин ошибался. Спецэффектами тут и не пахло. Перед появлением нечисти очень часто образуется сильный конденсат за счёт перепада температур. Резко холодало. А ещё нечисть должна из чего-то начально материализоваться, и туман очень часто является то ли предвестником, то ли материалом для данного процесса – пока до конца не изучено.

Как я уже сказала, Вин ошибся. Это была не театральная постановка. Это было появление упыря.

Глава 4

Когда туман начала оседать, рассеиваясь, в его белизне проступили неясные антропоморфные очертания, контуры фигуры. Как это обычно случается, ожидание ужаса было страшнее его самого. Воображение рисовало несусветные ужасы. И это очень плохо, ведь упыри и злые духи питаются страхом, становясь сильнее.

Словно прочитав мои мысли, Кай Мэйсон поспешил пояснить:

– Пространство экранировано с той целью, чтобы ваши эмоции не могли подпитывать нежить. Но вам не стоит забывать, что в реальных условиях ваши негативные эмоции станут усиливать вашего условного противника.

Туман разошёлся в достаточной степени, чтобы все мы могли рассмотреть явившуюся нашему взору «красоту».

«Красавчик» походил на зомби, какими их любят изображать в кинематографе не-магов, но были и яркие отличия: сморщенная чёрная кожа, например, по которой змеилась красная сетка капилляров и вен, рельефных и выпуклых. А ещё красные, выпуклые глаза – навывкате, как у огромной жабы.

В глубине сердца я сохранию надежду на то, что Истинный Высокий Вампир сверкает на солнце алмазной крошкой. А то, что показывает нам учитель, просто неудачная мутация.

Я была рада тому, что нахожусь по эту сторону клетки, а не по ту. Бедный парень!

Интересно, а мистер Мэйсон имеет право подвергать студента такой опасности? О том, что опасность была самой что ни на есть настоящей, все мои инстинкты не просто кричали – вопили во все горло.

Упыри, как известно, нападают не быстро, а очень быстро, со стремительностью мысли. Однако Лоуэл успел активизировать посох, трансформируя его в обоюдоострое оружие, которого раньше мне видеть не приходилось – нечто похожее на два острых лезвия на обоих концах.

Упырь налетел на один из них и был ловко отброшен в сторону, но торжествовать победу оказалось рано. Пролетев довольно внушительное расстояние, нечисть с силой врезалась в прутья охранительной клетки. Та содрогнулась от сильного удара, увы, не причинившего мертвецу никакого вреда. С животной проворностью, в мгновение ока перевернувшись на четвереньки, упырь вновь набросился на обидчика, с ещё большей стремительностью и напором, низко, утробно урча.

Вертанувшись вокруг себя юлой, Лоуэл ловко насадил упыря на копьё, прокатил его, как на карусели и отбросил от себя. На сей раз нечисть повалилась на спину и злобно зарычала, открывая клыки – не змеиные, парой, а как у акулы, в несколько рядов, треугольные, остро заточенные, чёрные.

Между губами потянулась узкая полоска клейкой слюны.

На этот раз тварь медленно перевернулась на живот и, по-змеиному осторожно, поползло вперёд.

Вновь крутанув своё оружие в руках, Лоуэл ударил одним из концов в пол, вонзая в него острое наверху. Металлическое тело на глазах изменялось, преображённое магией, словно внутри него проснулся водопад. Я явственно услышала шум льющейся воды, как если бы она под напором потекла по камешкам. Пол вокруг Лоуэла шёл трещинами, пока круг не замкнулся и по нему, как по рву, не потекла вода.

– Ничего себе поворот! – тихо выдохнул Вин.

Вода не просто наполнила образовавшийся резервуар, она текла по кругу, как змея, постоянно проглатывающая свой хвост, замыкаясь в систему, способную циркулировать постоянно.

– Вот это спецэффект! – хмыкнул неугомонный Вин.

– Спецэффектами упыря не остановить, – небрежно ответил ему Ньют, не отрывая взгляда от всего происходящего. – В отличие от настоящей текущей воды.

Светлая, прозрачная, она являлась непреодолимой преградой для любого вида нежити. Кроме той, что сама в ней обитает.

Упырь рычал от ярости, как дикий зверь. Покачиваясь, двигался он вдоль водяной линии, надеясь найти в ней хоть малейший прорыв.

Я сомневалась, что наколдованной воды окажется достаточно для того, чтобы нежить остановить, но Лоуэл, кажется, и не ставил перед собой такую задачу? Пользуясь минутной передышкой, он принялся чертить ловушку. Тот самый пентакль, о котором я говорила ранее, послужил отличной для неё основой, дополненный знаками, значение которых в отдельности я могла прочитать, но в связке не понимала.

Пока Лоуэл чертил, упырь не оставлял попытки пробиться через границу бегущей воды. Обычно мыслительные процессы этих тварей не отличаются сложностью, даже у волка или птицы они более развиты. Но зато ни у одного живого создания нет той упёртости, которой обладает любая дохлятина, жадная до человеческой крови и плоти.

Инстинкт запрещал упырю ступить в проточную воду, но не прошло и десяти минут, как ублюдок сообразил, что ширина ручья всего-то полтора шага. Довольно заурчав, он начал отступать, готовясь к прыжку.

Я взволновано покосилась на директора. Ситуация грозила выйти из-под контроля или мне только мерещится?

– Лоуэл, осторожней! – подался Кай вперёд.

Парень даже не обернулся на оклик. С невозмутимой сосредоточенностью, отрешившись от всего, кроме того, что выполнял, он продолжил дорисовывать свои руны.

Откровенно говоря, в какой-то момент мне стало очень за него страшно. Хотя в глубине души я верила, что он знает, что делает, всё же я знаю, на какие расстояния и с какой скоростью прыгают упыри.

Лоуэл повернул голову, бросив быстрый, оценивающий взгляд в сторону противника, мечтающего полакомиться его кровью как раз в тот момент, как упырь прыгнул, с лёгкостью горной лани преодолевая расстояние над искусственно созданным неглубоким ручьём.

Я видела, как исказилось лицо Лоуэла. Не страхом – яростью, куда более глубокой, чем жажда нечисти.

– Лоуэл, осторожней! – рванулся к клетке Кай.

Лицо Ворона вновь застыло. Оно казалось невозмутимым, как у идола в тот момент, когда он легко, словно играючи, с ювелирной точностью отделил своим посохом клыкастую голову упыря от его чёрного тела. Щелкая зубами, голова покатила по полу, останавливаясь ровно в центре пентакля. Второй удар последовал в грудь.

Когда Лоуэл вырвал оружие из тела монстра, на клинке его осталось дрожать чёрное сердце.

Очередным ударом посоха об пол парень активизировал созданный им аркан. Всё поле вспыхнуло ярким, синим огнём, я поняла, что изначально аркан ловушкой и не задумывался. Магическое пламя почти мгновенно уничтожило тело нежити, обращая его в тонкий слой пепла. И новый удар оружия, теперь принявшего свой изначальный вид, – посоха, – развеял этот пепел по ветру.

Восстать после такого уничтожения упырь уже не сможет. Он был уничтожен окончательно, полностью.

И пламя, и вода с площадки исчезли, словно и правда были лишь частью декорации в спектакле.

– Абзац! – восхищённо выдохнул Вин.

Я была склонна с ним согласиться. Я вместе со всеми восхищённо рукоплескала герою. Он это заслужил.

Лоуэл всё с тем же невозмутимым видом поклонился Кайлу и покинул арену с таким равнодушным видом, будто уложить упыря на обе лопатки это так, пустяк – дело житейское.

Этот парень мне нравился всё больше и больше!

Мне не терпелось улучшить момент и расспросить Амайю о предмете моего вздыхания. Я бы с радостью сказала «моём новом предмете вздыхания», но правда в том, что никогда прежде вздыхать по кому-либо мне не приходилось.

Парни меня интересовали чисто теоретически. Вот когда, например, роман какой-нибудь читаю, и герой там весь из себя такой положительный или, наоборот, отрицательный, но весь такой кавайный няша, то сердце сладко вздрагивало в груди, наполнялась мечтаниями голова...

В реальной жизни они были скучными, как математика. После нескольких свиданий я с грустью поняла, что даже просмотр шаблонного сериала интересней. Встречи с ними не приносили радости, куда больше напоминая отбываемую повинность. Куда интересней было охотиться на монстров, создавать зелья, узнать что-то о новом виде нечисти или способе борьбы с ними.

Мир казался огромный и ярким, а мужчина на нём болтался неясным серым пятном.

В общем, если вы не планируете плодиться и размножаться, подобно дойной корове каждую весну; если способны заработать на кусок отбивной сами, то подумайте – зачем вам мужчина? У каждой женщины свой ответ. Для одних мужчина – это нечто вроде работы, он обеспечивает существование, более или менее сытное. Для других – источник развлечений и адреналина. Третьим необходимо постоянно кого-то спасать, наставляя на путь истинный, ну, а я отношусь к тем, кому необходимо уважать мужчину и идти с ним совместно к общей цели.

Мне нужен друг и собеседник, с которым никогда не придётся скучать. Мой мужчина должен быть умнее меня и сильнее, но при этом не ломать, а поддерживать.

И, конечно, я не думаю, что в Лоуэле смогу отыскать мой идеал – идеал, он, в конце концов, на то и идеал, чтобы быть недостижимым.

Просто... просто Лоуэл меня зацепил. Он был сильным, умным, самоуверенным, он отлично управлялся со своим магическим даром.

Для такой, как я, это много значило. И мне хотелось привлечь его внимание.

Конечно, это не любовь, но... он был мне не безразличен, и это было мне в новинку. Это пугало.

Я впервые задумалась о том, что могу заинтересоваться кем-то, кто, очень даже может быть, не заинтересуется мной в ответ.

Все были под впечатлением от прошедшего урока. И не одна я заинтересовалась лично-стью Лоуэла Мэрла.

– У него огромный магический потенциал! – восхищалась Амайя.

– Если он так тебе понравился, запишись к нему в подгруппу и будет тебе непреходящее счастье, – насмешливо посоветовал Ньют.

– Записаться в подгруппу? Это как? – оживилась я, вполне естественно заинтересовавшись брошенной репликой.

– Ты не была на первых занятиях?

– Нет.

– И не слышала общей установки? Когда определишься, на какой факультет хочешь попасть, то сможешь выбрать себе куратора, ведущего группу. Тут такая система.

– Кто поведёт группу тех, кто желает попасть к Кошкам? – напряглась я.

– Морел, конечно.

Смазливый и вредный кузен? Проблема, однако.

Лучше всего стажироваться у того, кто в будущем сможет тебе дать максимальное количество знаний по необходимому профилю. Записавшись в группу Мэрла, я потеряю несколько проходных баллов, потому что уж Вороном мне точно не стать.

С другой стороны, есть базовые навыки одинаковые для всех направлений. Овладеть ими можно с любым учителем. А записавшись в группу Лоуэла я смогу чаще с ним контактировать.

Этот вариант нужно, как минимум, обдумать.

– Ворон такой красавчик, – как можно небрежнее проговорила я. – У него есть девушка?

А потом с досадой вспомнила, что уже спрашивала об этом недавно.

Но на этот раз отвел прилетел не от подружек, а от парней.

– К счастью или несчастью – нет. Не то чтобы не находилось претенденток. Как раз наоборот, – засмеялась Вин. – Но он повёрнут на магии и ничем больше не интересуется.

– Такой высокомерный, недоступный и загадочный, – вздохнула Амайя.

– Да он просто гей, – презрительно передёрнул плечами Ньют. – Это же сразу понятно.

– Мне совсем это не понятно, – холодно взглянула я на него. – С чего такие выводы?

– Сама посуди. Все эти его шестёрки – они едва ли не молятся на него. Ах, Ворон то, да Ворон сё!

– Если тобой восхищается другой парень, значит, ты гей? – изогнула бровь я. – Странная какая-то логика, если честно.

– Нормальными парнями другие парни не восхищаются, – безапелляционным тоном припечатал Вин.

– Может быть, они восхищаются им потому, что он в своём роде лучший? – возразила я. – Он ведь совсем ненамного старше нас с вами, но ты сам видел, на что способен этот парень?

– И на что он способен? Рисоваться на публику? Да можно подумать ты или я не справились бы с этим упырём?! Может быть, сделали бы это не так красиво, зато быстрее – точно.

– Ты, должно быть, шутишь? – сделала я большие глаза. – Да тебе повезёт, если, увидев эту тварь перед собой без всякого ограждения, в штаны сразу не наложишь!

– Я?! Знаешь, что, Вероника?! Подбирай-ка ты выражения, или мы поссоримся. Не знал, что ты западаешь на геев!

– Я не западаю на геев. Мэрл не мой тип. И, в-третьих, он не гей.

– Да неужели? – продолжал кипятиться Вин. – Ты видела, какие девчонки за ним ухлёстывали? Одна другой лучше! Огонь! А он?..

– Что – он?

– Предпочёл им всякую нечисть!

Вин с искренним недоумением встретил наш общий заразительный смех.

Смеялся даже Ньют.

– Нет, ну, правда?! Какой нормальный парень предпочтёт общество колб обществу красивой блондинки, готовой повиснуть у него на шее?

– Действительно, какой? – с кривой усмешкой протянул Ньют.

– Такой, у которого кроме члена есть мозг? – выдвинула предположила я.

И получила в награду злющий взгляд.

Ух ты! Какие мы злые. Не любим, когда с нами не соглашаются?

– Мужчина есть мужчина. Чтобы там женщина не думала, от дармового перепихона никто никогда не откажется.

– Мужчины бывают разные, – строго свела брови Камилла.

– Ну да! И те их них, кто отказываются от секса в пользу науки либо импотенты, либо геи. Тебе, Вероника, – развернулся ко мне Вин, с вызовом глядя на меня, – кто больше нравится?

– Пока об этом не думала. Но подумаю на досуге.

Уже на выходе, в дверях, мы столкнулись с Вороном и его стаей. Причём, столкнулись буквально. По крайней мере я – так точно. Раскрыв рот (не в прямом, конечно, смысле), сконцентрировав всё своё внимание на жожаке, я не заметила, как налетела на одного из вечно окружающих Лоуэла парней. Отброшенная толчком по инерции, я бы упала, не поддержи меня вовремя Вин.

– Эй! Смотри куда прёшь! – рявкнул Вин на моего обидчика.

Которым оказался кузен Морел.

Скользнув по мне взглядом, он, как и в прошлый раз официанты, усмехнулся весело и зло, словно бросая вызов.

– Извинись! – агрессивной потребовал у него Вин.

– Не стоит, – постаралась смягчить обстановку я. – Правда! Это пустяки.

Ухмылка у парня стала шире.

Смазлив и стервозен, как все Морелы – это диагноз.

– Извиниться? – словно не слыша моих слов, бросил он Вину. – Мне? С какой стати?

– Извинись немедленно! – настаивал Вин.

И право же он, со всем своим первобытным воинственным пылом, был немного... чересчур. Не хотелось бы в этом признаваться, но он мне досаждал своим слишком воинственным пафосом. В случаях с такими, как этот Морел лучше не вестись на провокации. Это самая разумная линия поведения, но Вин, к сожалению, уже закусил удила, продолжая забавлять собой компанию.

Отступив на шаг, смазливый стервец отвесил мне шутовской поклон:

– Простите, леди! – вымолвил он, театрально прижимая руку к сердцу, а когда выпрямился, в тёмных глазах смех больше не плескался. Только злость. – Хотя – леди ли? «Обеим бабкам я вышла внучка, чернорабочей и белоручке», – смеясь, бросил он мне в лицо.

И ушёл. Пошёл за уже успевшей чинно рассестись за соседним столиком, компанией.

Я с досадой смотрела, как он с вальяжной небрежностью присаживается рядом с Лоуэлом, за всё это время не бросившего в мою сторону даже случайного взгляда.

– Ты флиртуешь с Морелом? – поинтересовалась подоспевшая Камилла. – А мне показалось, ты на другого парня запала?

– Я ему морду сейчас набью! – выпятил грудь колесом Вин, но, к счастью Ньют подтолкнул его к выходу.

– Пусти!

– Да не дури ты, – процедил Ньют сквозь зубы. – В этой компашке после Лоуэла Морел по силе и магическим способностям второй. У них высочайший магический уровень. Не нарывайся.

– Мне плевать! Я не трус какой-нибудь!

– Настолько не трус, что не боишься стать посмешищем для всей Магистратуры?

Это несколько охладило горячую голову нашего не в меру воинственного товарища.

– А ты когда успела Морелу насолить? – ехидно поинтересовалась Камилла.

– Не говори ерунды! – набросился Вин на мою недоброжелательницу, лишь подливая заступничеством масла в огонь её неприязни. – Она его только вчера впервые увидела!

– Ты так в этом уверен? – презрительно фыркнула Камилла и, одарив предмет своего тайного воздыхания презрительным взглядом, гордо удалилась прочь.

– Вы ведь не встречались раньше? – подозрительно глянул на меня Вин.

Ньют закатил глаза, а Амайя еле сдерживала смех.

Мне было не смешно.

– Я всех вам вчера впервые увидела. Морел не исключение.

– А у него на тебя, похоже, то ли зуб, то ли глаз положен, – фыркнула Амайя.

– Заметила, – сокрушённо вздохнула я. – Склоняюсь в пользу зуба.

Мы распрощались с парнями, свернув на женскую половину Магистратуры.

Заметив моё испорченное настроение, Амайя постаралась его развеять:

– Не бери близко к сердцу. Морел просто прикалывался. Он так часто делает – выбирает себе жертву и начинает её изводить.

– Ты это меня, типа, сейчас так успокоила?

– Ну, не расстраивайся. Ему это обычно быстро надоедает, и он перекидывается на новый предмет. Мерзкий тип, на самом деле. Однако девчонки бегают за ним не меньше, чем за Ворон-Мэйлом. Только с большим успехом – Морел отзывчивей, не так неприступен, как Ворон и женским обществом не брезгует. Правда, пока не задержался надолго ни у одной юбки. Иногда у меня создаётся стойкое впечатление, что он нас коллекционирует... ты меня слушаешь?

– Конечно, слушаю, – кивнула я. – И очень внимательно.

Мама редко говорила об оставленных ею родственниках. Или, скорее не оставленных – отказавшихся от неё. Эта тема, по вполне понятным причинам, была ей неприятна. Да что неприятна? Тема была крайне болезненной. И всё же она никогда не скрывала от меня причины внутрисемейного конфликта. Бабушка и дедушка, принадлежащие к клану Тёмных, винули моего отца-Инквизитора, в смерти маминого старшего брата. А этот смазливый мажор, скорее всего, его сын и мой двоюродный брат.

Если мои подозрения верны то, выращенный с мыслью об убийстве отца, он наверняка меня ненавидел. Да, всё так и было.

«Обеим бабкам ты вышла внучка»...

Может мои подозрения пустые? Вдруг мы с ним не в таком близком родстве? Правда, я в это не верила. Я сердцем чувствовала – всё настолько плохо, как кажется.

Убийство в Магическом Сообществе карается жестоко и служит началом кровной мести. Среди магов принято отвечать ударом на удар.

Кажется, всё движется к тому, что у меня здесь есть враг посерьёзней Камиллы?

Глава 5

Вторая половина дня была посвящена физическим тренировкам. Им в Магической Магистратуре отводилось много времени. Даже слишком: полуторачасовые пробежки на расстояние и на скорость, боевые искусства, как с оружием, так и без, стрельба, лёгкая атлетика, плавание, прыжки с высоты. Из лёгкого и приятного, так, уже на закуску – хореография. Причём классическая! С растяжками у станка на пуантах.

Когда я поинтересовалась у преподавателя, зачем это магам, мне ответили, мол, танец учит владеть своим телом, а тело мага – его главный инструмент.

Ёлки-палки-колбаса! В расписании стоял даже вокал! Пение развивает дыхательную систему, а правильно поставленное дыхание делает нас выносливее. Ну, и вообще, вдруг в будущем вам, как ведьме, грозит карьера сирены, а вы не способны издать звук, благозвучней драной кошки? Не порядок! Быть ведьмой – значит совершенством.

Судя по расписанию – совершенством во всём. Личная жизнь, как и отдых, студентам не полагались.

Вставали в шесть, отбой – в одиннадцать. За появление в коридоре позднее указанного времени – санкции, вплоть до исключения. Благо, хоть санузел в каждой комнате. Поводов бесконтрольно шататься по коридорам нет.

Возможно, такая строгость объяснялась тем, что желающих поиграть с огнём и нарушить все правила к чёртовой матери всегда находилось предостаточно. Но это всё так, лирическое отступление.

После полуторачасовой пробежки мне хотелось умереть. Тихо и незаметно. Но я хотя бы пробежала всё до конца, от старта до финиша. Большинство моих одноклассников похвастать тем же не могли. В том числе и из тех, кого я мысленно причисляла если не к друзьям, так к приятелям.

Как ни странно, но Вин от меня не отставал. Что ж? Пресс из кубиков никому просто так даётся, а он у него был. Так что всё закономерно.

Последние полмили мы с ним пробежали на чистом автомате, даже не переговариваясь, т почти ничего не видя перед собой от застилающего глаза пота.

Добежав до финиша, получив похвалу от учителя, нечто вроде: «Молодец! Пока не газель, но уже не кляча» – я отползла в сторону, вопреки прозвучавшему оптимистичному утверждению именно клячей себя и чувствуя.

Я была мокрая, как лошадь и, подозреваю, пахла так же. С эстетической точки зрения огородное пугало должно бы выглядеть привлекательней. Поэтому можно только представить моё состояние, когда я, подняв голову, встретила взглядом с Вороном.

Мне никогда не приходилось жаловаться на внешность, ведь я наполовину Морел, а Морелы, как известно, «смазливы и стервозны». У меня была яркая, южная внешность, скорее итальянского, чем испанского типа. Я обладала мягкими округлыми формами и правильными чертами лица. Конечно, не существует типа красоты, способного удовлетворить любой взыскательный вкус, но я знала, что большинство людей находили мою внешность привлекательной. Однако Лоуэл до этого ни разу не бросил в мою сторону даже мимолётного взгляда. Ни разу! С таким немым равнодушием обычно проходят мимо стен или даже пустого места.

А тут он смотрел на меня, долго и пристально. Прямо-таки вылутился! Вот нашёл время!

Сам выглядел потрясающе. Не знаю, как правильно называется его одежда; ни кафтан и ни мантия, и плащом, вроде как, тоже не назовёшь – но нечто длинное, струящее, чёрное. Очень стильное.

Ну, в общем, он натуральный красавчик, прямо метросексуал, а я сейчас, прямо скажем, далеко не Меган Фокс. Больше на лягушку похожа, которая, позже, конечно, снова станет царевной, но пока мокрая, жалкая и от усталости немного зелёная.

Перехватив мой взгляд, Лоуэл пренебрежительно передёрнул плечами, поднялся со скамейки и удалился с видом царственным, как у льва.

И вот чтобы это всё значило, а?

После душа, возле раздевалки нас поджидал парень, один из свиты Ворона. Не предполагаемый кузен – рангом пониже, но тоже импозантный, как все в их компании.

– Привет, – улыбнулся он дежурной рекламной улыбкой. – Я Феликс Шеррэл. Найдётся минутка перекинуться словечком?

Я уже успела понять, что Вороны просто так ни к кому не подкатывали. Держались особняком, высокомерно, хотя и вежливо, как аристократы с чернью.

А тут вдруг такая «честь»? С чего бы?

– Конечно, – скрестив руки на груди, кивнула я. – Что ты хочешь мне сказать?

Улыбка у Феникса была стандартно-ехидной. Они там что, её отрабатывают?

– Хотел сделать предложение. В конце недели у нас будет вечеринка. Лоуэл приглашает тебя прийти. Форма одежды – вечерняя, – Феликс глядел на меня со снисходительностью и превосходством взрослого над ребёнком. – Начало мероприятия в восемь. Встречаемся в Парадном Зале.

– Не уверена, что приду.

– Что?.. То есть как – не придёшь?

– Такое иногда случается, знаешь? Люди не могут прийти по тем или иным причинам. Иногда просто банально не хотят.

Что-то тёмное, скользкое проскользнуло во взгляде Феникса.

– Наше общество недостаточно хорошо для тебя? – улыбка сделалась откровенно ядовитой и угрожающей, а голос гладким, как чешуя змеи. – Или ты чего-то боишься?

Я улыбнулась в ответ.

– Как много предположений сразу! Все гораздо проще, я в официальном трауре. Моё появление на вечеринках будет моветоном, не говоря уже о том, что душа сейчас не лежит к вечеринкам.

Крыть оказалось нечем.

– Извини, – из угрожающей улыбка снова сделалась дежурной, – мы упустили это из виду.

Уже уходя со стадиона, я заметила, как Лоуэл, Феникс и кузен Морел переговаривались между собой о чём-то и снова перехватила устремлённый на меня холодный, нечитаемый взгляд Мэрла.

Что за интрига?

В целом вечер прошёл спокойно, без инцидентов. Вымотанные и усталые, мы ещё обязаны были подготовиться к занятиям на следующий день. Даже просто на «поболтать» времени не осталось, да мы и не особенно стремились.

На следующий день первым уроком в расписании стояло «Самопознание магии». Целью урока было раскрытие способностей и направления магической силы.

Аудитория для занятий оказалась просторной и очень уютной. Столики под скатертями напоминали скорее о приличном ресторане, чем о классе. Магические шары, мягкие кресла, небольшие коврики у каждого стола, как я поняла, для йоги или медитаций – всё было очень милым.

Преподавательница без лишних предисловий подошла к делу, дав нам под запись все семь технологий, помогающих войти в глубокую медитацию, способствующую наиболее полному раскрытию магических способностей.

– Всего способов семь, – начитывала она монотонно. – Опытным путём вы сможете определить ту, что будет лучше всего работать на вас и в дальнейшем самостоятельно тренироваться после уроков. Способ первый – создание астрального двойника, его ментальная проекция. Второй способ задействует мышечные техники...

Я машинально записывала.

После того, как теоретическая часть урока была завершена, мы приступили к практике. Это довольно сложное задание – сконцентрироваться и медитировать при большом скоплении народа. Чтобы облегчить нам задачу, учительница выполняла роль проводника, а мы следовали её указаниям – вставляли прямо, расслаблялись, выполнили дыхательные упражнения.

– Перед вами – море!

Я не видела моря, зато мысленно почувствовала всю тяжесть стоячих, болотных вод, сильную некротическую энергию. Ощущения были на уровне эмоций, образов. Так видишь, читая книгу – яркие, но не стойкие образы, не чёткая визуальная картинка.

– Вы связаны вместе, вы – единый океан! Окунитесь в глубину, в общую безмятежность голубого потока...

Я не чувствовала безмятежности – я ощущала опасность. В общем, как я всегда и подозревала, водная стихия – это не моё.

– Почувствуйте ветер, гуляющий над водными просторами! Переменчивый, порывистый, преодолевающий огромные расстояния. Без препятствий перемещающийся по всему свету.

Ветер я чувствовала лучше. Он нёс с собой запах мокрой земли, запах дождя и свежести после грозы. И ещё пах кошачьей мокрой шерстью. Это был не неприятный запах, с примесью пепла, а не грязи.

– Воздушные массы наполняют ваше тело! – продолжала диктовать учительница. – Поиграйте с энергией ветра!

Клянусь, я его почувствовала! Настоящее дуновение на кончиках пальцев и желание лететь.

– Вы твёрдо стоите ногами на земле. У вас степенный характер и твёрдость взглядов. Почувствуйте, как земля отдаёт вам свою энергию...

На сей раз я по-настоящему увидела вокруг себя деревья, травы и, почему-то – скалы, покрытые буйной растительностью. Вниз с них низвергались водопады. В синем небе вились птицы. Это было не воображение и даже не то изображение, что видишь на экране – я словно реально перенеслась в другое место, яркое, красивое, полное жизни. Настоящий райский сад.

Рекомендации о стихии огня я уже не слушала. Я поняла с лёгким разочарованием, что моя стихия – это Земля. Самая неромантичная в моём представлении, и самая слабая из всех четырёх стихий.

Я была разочарована почти до слёз.

– Что ж? Заканчиваем медитацию. Теперь...

В середине аудитории загорелось изображение символики четырёх стихий.

– Теперь я попрошу всех разойтись согласно полученному в тесте результату.

Разделение в нашей компании получилось пёстрое. Ньют оказался адептом Воздуха, Амайя – воды, Камилла – огня (ненавижу её, ненавижу! На её месте должна была быть я!).

Но месть сладка, даже если принадлежит не тебе, а случаю – Вин, как и я, оказался «стихийником» Земли. И, кажется, был этим вполне доволен? Ему, похоже, было всё равно, какой стихией питаться. Зато его очень радовало, что мы с ним оказались одной породы.

– На сегодня занятие окончено, – объявила учительница. – На следующем определим, кто из вас тёмный маг, а кто – светлый.

Расстроенная, я ушла от друзей, сославшись на головную боль. Решила прогуляться, чтобы немного развеяться. Набросив на плечи куртку, вышла с северной части, подверженной ветрам, и пошла к мосту.

Я чувствовала, что мне необходимо вдохнуть холодного, бодрящего, полного грозы, ветра, чтобы умереть ураган, бушующий в душе.

Тучи почти лежали на скалах. Дно пропасти покрывали клубы серого тумана. Громко каркало воронье.

Иссиня-чёрная птица, широко раскинув крылья, опускалась вниз. Чем больше она приближалась, тем больше вырастала. Казалось, её окружило чёрной дымкой или туманом. Когда туман сконцентрировался до полной черноты, из него вышел Лоуэл, словно там, за туманом, скрывался невидимый обычному глазу туннель.

Это было красиво и мощно. Это впечатляло! Интересно, а я когда-нибудь так смогу?

В ушах у меня ещё стоял шум крыльев, но в реальности крыльев не было.

Лоуэл стоял передо мной, опасный и строгий, как любое порождение Тьмы, и молча, с лёгкой полуулыбкой, смотрел.

– Ты?.. – уронила я, так и не придумав, чтобы такого сказать оригинального.

Он вновь пожал плечами:

– Привет, Ника.

– Веро-Ника, – поправила я, подчёркивая, что предпочитаю отзывать именно на этот вариант имени.

– Хорошо. Привет, Вероника, – не меняя тона и выражения лица, проговорил он.

– Мне следует посчитать эту встречу за случайность? Я обычно здесь не гуляю.

– Знаю, – кивнул он без тени улыбки.

– Знаешь? Откуда?

– Потому что, в отличие от тебя, я гуляю тут часто. Площадка для взлёта более, чем подходящая.

– Извини, если помешала тебе. Я думала, все на занятиях или, в крайнем случае, в столовой и хотела в одиночестве подышать свежим воздухом. Не буду тебе надоедать. Уже ухожу...

– Не торопись.

Его голос был спокоен и ровен. Лоуэл не делал никаких попыток остановить или задержать меня.

– Раз уж мы встретились, могли бы поговорить.

– О чём?

– Хочу сделать тебе предложение.

– Опять? Просто фонтан предложений. Вчера с тем же Фенникс подходил.

– Он делал это по моей просьбе.

– Ладно. Что за предложение?

– Руки и сердца, – усмехнулся он.

Потом шагнул вперёд, сокращая разделяющее нас расстояние и, остановившись рядом, облокотился на парапет, отделяющий мост от пропасти. Небрежная поза весьма шла ему.

Услышав его реплику, я ощутила злость и растерянность.

– Ты меня рассмешить пытаешься? Или обидеть?

Кривая усмешка словно намертво приклеилась к его лицу:

– Не то и не другое. Хотел на твою реакцию посмотреть. Не кипятись. У меня нет времени на ссоры. А предложение у меня действительно есть.

– Я вся – внимание.

– Предлагаю тебе подать заявку в мою команду. Вступай в мой клуб.

– У тебя есть клуб? Круто!

– Официально так называют кураторские группы. Разве ты не слышала вступительную речь Кайла?

– Увы, нет. Приехала позже.

Он поморщился:

– Да, извини, я упустил это из вида. Но не важно, я сам вкратце расскажу суть дела. Те из студентов, кто претендует на Высший Аттестат по окончании Магистратуры, должны пройти Высшую Ступень. Заключается она в наставничестве. Следующий курс для меня выпускной. Вот я и хочу возглавить кураторскую группу и набираю тех, с кем готов поделиться знаниями. Без ложной скромности скажу, что мне есть что предложить в этом плане.

– Я видела. Впечатляет. Подозреваю, не только меня?

– Я тоже так думаю, – не стал разыгрывать из себя скромника Лоуэл.

– Почему мне такая честь?

– Ты кажешься мне талантливой и перспективной. А чем выше итоговой результат участников клуба, тем больше баллов получает наставник.

Логично. Но мне казалось, что он чего-то недоговаривает.

– Почему ты отнёс меня к перспективным? Я пока ничем себя не проявила.

– Дочь Чёрной Кошки и Белого Инквизитора не может быть обыкновенной даже по меркам Магического сообщества.

– Любишь коллекционировать всё необычное?

– Короче, – сжал он бледными пальцами парапет, на который облакачивался до этого. –

Моё предложение остаётся в силе. Подумай, ладно?

– Если я подам заявку на твою группу, ты гарантируешь мне своё одобрение?

– Конечно.

– Хорошо. Обещаю обдумать твоё предложение.

На самом деле обдумывать было нечего. Я и без того собиралась подать заявку на вступление в группу Лоуэла. Но, как учила меня мать, не стоит показывать безусловное согласие ни врагу, ни другу.

– Не стой долго на ветру. Здесь холодно, – посоветовал мой собеседник перед тем, как отлипнуть от парапета и направиться в сторону замка.

– Увидимся, – кивнула я в ответ.

Глава 6

– Перед тем, как выберете себе куратора, вам представится возможность увидеть ваших учителей в деле, – говорил профессор Мэйсон, прохаживаясь между рядами. – На прошлом занятии вы уже познакомились с Лоуэлом Мэрлом? Сегодня Адейр Морел продемонстрирует свои магические и боевые навыки. Но прежде, чем мы начнём, я попрошу вас сдать домашнюю работу с анализом пройденного материала, чтобы я был уверен, что всё увиденное получит от вас правильную оценку.

Отправив моё эссе в общую стопку я, вслед за другими, через порталную арку перенеслась на цокольный этаж. Как и в прошлый раз, периметр был ограждён сеткой, да ещё и обнесённой защитным экраном с поглощением энергии. Интересно, последняя предосторожность – зачем?

При появлении кузена Адейра аудитория стихла. Он был эффектен, обладал яркой внешностью. Чертами лица до того напомнил мне мать, что сердце болезненно сжалось.

Есть такая пытка – вечно ловить ускользающих из рук солнечных зайчиков.

Сбросив длинный плащ, кузен остановился, победно улыбаясь. В отличие от сосредоточенного, несклонного к внешним эффектам Ворона, Кот любил внимание, он с видимым наслаждением купался в нём.

Все с нетерпением ожидали развития событий, и я не была исключением.

Из чёрной норы послышалось змеиное шипение, потом удар, как если бы нечто тяжёлое упало с высоты. Адейр весь подобрался, не сводя блестящих глаз с провала, но ни палочку, ни жезла выхватывать не торопился.

«Интересно, он знает, с кем ему предстоит драться?», – промелькнула мысль.

На свет выползло нечто страшное, с огромным телом змеи, или, точнее, ящерицы. На хребте твари выступали длинные острые шипы. Голова походила на жабыю. У неё было пять конечностей: четыре, как у всех, по бокам, а пятая – сзади, под длинным хвостом. Благодаря такому строению, тварь не изгибалась телом, когда шла, а выступала прямо, точно не живая.

– Что это? – выдохнул Вин.

– Василиск, – просветил его Ньют.

– Жуть!

Я была с ним согласна.

Словно для усиления ужасающего эффекта, король змей повернулся к нам попой, и мы увидели, что длинный хвост заканчивается вовсе не львиной безобидной кисточкой, а острым скорпионьим жалом.

– Достойный противник, – с удовольствием отметил Ньют, скрещивая руки на груди, приготовившись с азартом наблюдать шоу.

Более, чем достойный, сказала бы я – смертельно опасный. Руководство Магистратуры что, с ума сошло, раз допускает подобные спарринги? В василисках ядовито всё. Сам по себе огромный зверь двигался очень быстро. Ударом хвоста мог перешибить хребтину лошади. Укус его, как и шипы на хвосте, были ядовитей клыков Чёрной Мамбы. И это всё без учёта всем известного, обращающего в камень взгляда!

Мысленно я пыталась представить, что могла бы сделать на месте кузена? Первое, что приходило на ум – зеркало. Простой, эффектный, не слишком энергозатратный способ.

К моему удивлению, Морел решил не искать лёгких путей. Тому, с каким проворством, с почти хореографической лёгкостью (всегда кажущейся) Адейр уклонялся от ударов василиска, можно было только аплодировать, но я всё никак не могла понять, зачем эти пируэты?

Кажется, есть такое выражение – переобуться в полёте? Что оно собой подразумевает в действительности, судить не берусь, но это было именно то, что первым пришло в голову, когда

в очередном прыжке кузен переметнулся в пятнистого гепарда – быстро и точно. Никакого чёрного тумана, как в случае с Лоуэлом. Выглядело это так, будто картинка с одним изображением быстро сменилась другим.

– Вот это да! – восхитился Вин.

По непонятной причине Адейр не вызывал в нём такой жгучей неприязни, как Лоуэл.

Несколько раз увернувшись от удара гибкого шипастого хвоста, Морел-гепард стрелой взлетел на спину василиска, в пару прыжков покрыл расстояние от хвоста до головы, когтями вырвал змею-жабе глаза, лишая того возможности обращать противника в камень.

Раздались восторженные крики, аплодисменты, а я пребывала в полной растерянности – каким образом теперь убить монстра? «Зеркало» больше не поможет.

Взревев от боли и ярости, василиск повалился на спину, стремясь раздавить врага. Адейр ловко отпрыгнул в сторону, в очередной раз с лёгкостью увертываясь.

Василиск стал нахлёстывать себя по бокам скорпионьим хвостом. И тут Его Величество Случай сработал против нас. Вряд ли то, что случилось, было чьим-то злым умыслом? Хотя такие версии позже тоже рассматривались.

Между двумя защитными экранами на стыке оставался маленький зазор. В него-то ядовитый кончик хвоста и угодил, образуя трещину, и застрял в зачарованном стекле. Василиск издал душераздирающий вопль, и мы все лишь каким-то чудом не оглохли.

Монстр задёргался всем телом, расширяя скол. По экрану побежали трещины.

Мы стояли и смотрели, надеясь, что всё это совсем не так страшно, как кажется, но в следующий момент сотня осколков осыпалась вниз, а слепая, но по-прежнему ядовитая, огромная тварь, вырвалась на свободу.

– Бегите! – заорал учитель и неистово заревели сирены.

Мы бросились к порталам. Свет мигал, усиливая всеобщую неразбериху. Слышались пронзительный женский визг, чья-то отборная ругань. Я старалась не оборачиваться, так было страшно.

Мы почти подбежали к Арке, когда Амайя истерично завопила:

– Где Камилла?!

С яростью и отчаянием я поняла, что стервозной соседки рядом с нами нет.

– Нужно за ней вернуться! – Вин, не задумываясь, ломанулся назад.

Ньют и Амайя – за ним.

Какое мне дело до Камиллы?! Она мне не нравилась, мы вовсе с ней не друзья. За то, что случилось здесь, никто из нас не отвечал – мы всего лишь первокурсники. Своим возвращением всего лишь увеличим возможное количество жертв – и только! И всё же, я повернула назад вместе с остальными. К стыду, к моему, отнюдь не из сострадания, желания помочь, других возвышенных порывов – я всего лишь не хотела, чтобы меня считали трусихой. Моя гордость не могла этого допустить.

Из всей нашей компании я считала себя самым сильным магом и рисковать репутацией не собиралась.

Откровенно говоря, я рассчитывала на то, что к нашему возвращению профессор Мэйсон уже успеет нейтрализовать монстра. К тому, что василиск окажется не один, что чудовищ станет уже трое, жизнь меня не готовила. Картина же, открывшаяся взору по героическому возвращению, оптимизма не внушала: директор «занимал» одного монстра, Айдер – другого, а третий уже подбирался к Камилле.

Наша честная компания бросилась девушке на выручку и твари наперерез. Похоже, последнюю это нисколько не напугало (да и не должно было, если честно).

Поднявшись на задние лапы, чудо-юдо вырастало, как гора, задумав (если в отношении рептилии можно применить слово «замысел») крайне неприятную пакость. В такой позе часто рисуют драконов перед тем, как им дыхнуть пламенем на незадачливого рыцаря. У василисков

пламени нет, зато яду – хоть отбавляй. И именно им чудовище брызнуть и планировало. С учётом его высочайшей токсичности – правильная тактика.

Передо мной стоял выбор – не нарушать правила, не использовать магические артефакты, которые до распределения первокурсникам не полагались. Чем правильнее рискнуть – жизнью друзей или?..

Я не раздумывала дважды. Выхватив палочку, нарисовала в воздухе новый аркан и, напитав его энергией, материализовала в зеркало. Друзей это спасло, хотя и не так, как мною планировалось. Зеркало, не отразив убийственного взгляда василиска, не причинило ему ни малейшего вреда, зато выступило щитом, предохранив Амайю, Камиллу, Вина и Ньюта от токсичного плевка.

– Бежим! – скомандовал Ньют.

Друзья подорвались с места очень вовремя. Мощным ударом хвоста василиск расколол мой шедевр на множество осколков.

Понимая, что тварь набросится на нас, я старалась сдержать её, как могла. Изменив молекулярный состав пола, превратила его в скользкую, вязкую жижу, но этот ход не дал особенного результата, ведь василиск мог передвигаться и как змея, и как ящерица. Единственное, чего удалось добиться – василиск сменил объект преследования, переключив внимание с друзей на меня.

Нельзя сказать, чтобы такой результат меня устраивал.

Странно, но страха в тот момент не было. Видно, адреналин в крови зашкаливал?

Я видела, как взгляд василиска из жабьего становился змеиным. Только что его зрачок был круглым, а в следующее мгновение уже вытягивался, превращаясь в тонкую острую щель.

Из чёрного зрачок становился ярко-красным, будто наливаясь огнём и кровью одновременно.

Аркан, образующий зеркало, сплёлся на автомате. Я понимала, что выставить между собой и тварью зеркальный щит мой единственный шанс на выживание, что мне может не хватить времени, умения или элементарно – магического потенциала.

В какое-то мгновение показалось – не успеваю...

В некоторые моменты мозг нас обманывает, искажает действительность до неузнаваемости. Не исключено, что я воспринимала происходящее совсем не так, как оно было на самом деле. Мне казалось, что сверху ударило молнией и всё вокруг превратилось в ослепляющий белый свет. Я даже слышала гром. И потеряла ориентацию в пространстве.

Оглушённая, я с недоумением смотрела на Вина. Подхватив меня под руку, он тянул меня куда-то, пытаясь заставить подняться на ноги. В тот момент я не поняла, куда и зачем.

Никак не могла сообразить, куда делся «мой» зверь и отчего вокруг так много каменной крошки?

– Вставай, мать твою!... – ворвался в моё сознание голос Вина и в тот момент я с ужасом увидела, как из чёрного провала выползает ещё один, самый мощный и огромный василиск, по сравнению с которым предыдущие три смотрелись (да, вероятно, и были) просто детками.

– Что это такое?! – сорвалось с чих-то губ.

Застыл на четвереньках над обезглавленным телом убитого из монстра Адейр Морел, шатаясь, поднялся с пола Мэйсон, баюкая окровавленную руку.

«Господи, неужели василиск его ужалил? – пронеслась мысль где-то на периферии сознания, не вызывая ни должного ужаса, ни должного сочувствия, как непременно было бы в любой другой ситуации. – Если так, он труп».

Шипя и свивая длиннущее тело в кольцо, последний, «старший» василиск всё продолжал выползать из своего убежища.

Я услышала странный щелчок.

– Что это?

– Закрываются порталные арки, – раздался спокойный голос за моим плечом.

Повернув голову, я увидела Ворона-Лоуэла вместе с испуганной миссис Вестер, заместителем директора.

– Зачем их закрывать? – насупился Вин.

– Чтобы опасные твари не могли вырваться отсюда в другие сегменты, – невозмутимо прозвучало в ответ.

– Держитесь поближе к выходу, – небрежно бросил он нам.

– Да какой в этом смысл? – отозвался Ньют. – Раз он закрыт?

Лоуэл не ответил, направляясь к Морелу. Они быстро обменялись парой реплик. Со своего места я не расслышала и не поняла, о чём они говорили.

Тем временем миссис Вестер оттащила в сторону раннего директора, который уже почти не держался на ногах. Амайя и Камилла старались ей помочь.

Я хотела бы сделать тоже, но странное ощущения, какое-то сонное, искажённое восприятие действительности мешало действовать. Теоретически я знала, что нечто подобное происходит из-за перерасхода магических сил и энергии. Чтобы справиться с подобным состоянием необходимо поспать или использовать магический артефакт, но ни того, ни другого я себе сейчас позволить не могла.

Лоуэл, перекинувшись в ворона, принялся танцевать в паре футов от морды василиска, отвлекая его внимание на себя, заставляя монстра шипеть, плевать ядом и бросаться на себя раз за разом. Морел, тем временем, рисовал на полу странные арканы.

Приглядевшись, я поняла, что это знаки переноса.

– Что они делают? – шёпотом спросил меня Вин, приблизившись.

Когда Морел замкнул круг, Ворон пронёсся через созданную однокурсником ловушку беспрепятственно, но, стоило василиску устремиться за ним, Адейр активировал портал, выбрасывая василиска из нашей реальности.

Лёгкий щелчок активированного портала был первым, но вслед за ним защёлкали другие – опасность была нейтрализована, больше угрозы жизни не было. В связи с этим выход разблокировался.

– Быстрее! Помогите мне донести его в лазарет! – крикнула миссис Вестер, нервно заламывая руки.

Лицо мистера Кайла выглядело бледным как полотно и было покрыто холодным потом. Медицинская помощь была ему нужна прямо сейчас, но желающих помочь директору хватало и без меня, так что я предпочла поспешить к Лоуэлу и Морелу.

– Эй? Вы в порядке?

Танец со Смертью, что Ворон недавно исполнил в воздухе, несмотря на кажущуюся лёгкость, дался ему непросто. Лоуэл был вымотан физически и магически опустошён.

Правда, это не помешало ему начать разборки с Морелом, после того, как он утвердительно кивнул мне:

– Я в порядке, Вероника, спасибо. Но как случилось, Адейр, что ты так жалко обложался, подставив под удар первокурсников?

– Ты не поверишь! – зло ответил кузен, скрещивая руки на груди в очень знакомой мне манере (я сама часто так делала). – Я здесь не при чём.

– Неужели?

– Спроси лучше у Мэйсона, как вместо одного василиска, которого при любом раскладе легко взять под контроль, в кладке оказалось целое семейство?!

Ворон нахмурился и, отчего-то, покосился на меня.

– Думаешь, это не случайность?

Морел зло рассмеялся:

– Полагаю, чистейшего рода она!

Ворон нахмурился:

– Может, кто-то не умеет правильно выполнить свою работу? Просто ошибся?

– Приняв пять яиц за одно? Буду удивлён, если так оно и есть, – зло процедил Морел. – Я склонен думать, что меня подставили нарочно. Всё чуть не пошло коту под хвост!

Расстроенный и злой, кузен отошёл в сторону, перешагивая через окаменевшие останки хвостов.

Пожав плечами, Лоуэл уселся на какую-то другую окаменевшую часть расколовшегося туловища, и извлёк из кармана пачку сигарет.

– Будешь? – предложил он мне.

– Не курю. Хотя – давай!

Увидев, что он опускает руку, я поспешила вытащить сигарету из пачки. Даже не знаю, зачем я это сделала? Ужасно хотелось занять тело чем-то обыденным, простым, чтобы заполнить вакуум в мыслях и чувствах.

От едкого дыма немного першило в горле, чуть-чуть подташнивало и кружилась голова, но даже такие ощущения были приятными – живыми.

– В итоге, всё не так уж плохо закончилось, – неуверенно протянул я. – Ведь никто не погиб?

Лоуэл кивнул. И улыбнулся. Улыбка вышла не самая добрая. Жизнерадостного в ней маловато.

– Конечно, – кивнул он. – Пока. Только вот если сегодняшний случай не простая случайность, кто знает, что случится завтра?

Думать об этом не хотелось. Я устала от негатива, мне позарез нужны были положительные эмоции. Но в выражении «беда не приходит одна» есть доля правды.

Не раз замечала, не только за собой, но и за другими, что бывают в жизни периоды, когда судьба словно пробует тебя на прочность. Кажется, всё вокруг, даже погода, на тебя ополчились и неприятности сыплются, как их рога изобилия.

Когда это неприятности, можно попытаться быть стойким. А вот если настоящее горе? Одно за другим? Когда даже близкие друзья стараются отвести глаза и звонить реже, будто боясь заразиться вирусом невезения?

Жизнь – урок. Ничего в ней не случается просто так. Чтобы не произошло с нами в жизни, оно чему-то нас да учит, отчего-то да лечит.

Но когда мать троих детей больна раком, муж сбегает в новую семью, а старшего ребёнка сбивает машина, да так, что ему металлические шрифты в бедро вставляют, хочется поднять лицо к небесам и возвести хулу. Потому что так нельзя! Нельзя на одну душу посылать столько испытаний и верить, что ты её не сломаешь.

В такие моменты ты приближаешься к страшному осознанию, что правы атеисты – бога нет.

Отец говорил, что, если ты не понимаешь божественного замысла это не значит, что его нет. Человеческая душа как металл. Чтобы выковать из неё что-либо сначала нужно раскалить её до бела, а уже потом перезолить в новую форму. Только вера в конечность жизни делает нас пессимистами, а если понять, что смерть лишь портал в нечто иное – всё меняется.

Наверное, кровь чёрных магов во мне слишком сильна? Я не могу верить так, как верил отец. Не могу согласиться с тем, что смерть моих родителей должна послужить высшей цели.

Не могу принять то, что тот, кто уничтожил родителей, теперь, возможно, ведёт охоту на меня и на Морела. А такая мысль посещала меня снова и снова.

Признаться, до сегодняшнего дня в глубине душе я подозревала, что убийство родителей подстроила родня моей матери, в отместку за гибель того, кто должен был стать главой их рода (или клана, или как там это у них называется?) – отца Адейра. Ведь они продолжали считать убийцей моего отца.

Но если допустить, что сегодняшнее событие не случайность, то, скорее всего тот, кто за этим стоял, целился не в меня. Я-то была среди других таких же сорока первокурсников, а лупить василисками по всей группе в надежде на достижение цели в данном случае как-то... наивно, что ли?

А вот Адейр оставался с монстрами один на один. Если бы экран не треснул, если бы твари не расплзлись по всему огромному залу, шансов бы выжить у кузена было меньше нуля.

Глава 7

Всё в Магистратуре Магии стояло на ушах. Прибыли спецагенты из Департамента Магии и Министерства образования – доктора и копы. Все что-то снимали, обмеряли, фотографировали, записывали. Попутно брали показания у свидетелей, то есть у нас.

А я толком ничего рассказать не могла. Моё внимание было поглощено сражением с «моим» василиском. Своими же подозрениями с чужаками я делиться не собиралась.

Директор находился в крайне тяжёлом состоянии. Каким-то образом змее удалось его достать и яд василиска ввёл его в кому. Состояние мистера Мэйсона квалифицировали как стабильно-тяжёлое. Прогнозы были положительными, других пострадавших не было. Так что, можно было считать, что инцидент исчерпан. Всё закончилось хорошо. Хэппи-энд.

Но мой внутренний голос никогда не ошибался. И он прямо-таким кричал о том, что это никакой не конец.

Это только первая часть. Возможно, вводная.

– Мисс Старлинг? – окликнул меня незнакомец в форме стража магического порядка.

– Да?

Взгляд задержался на правом рукаве его кителя, где не было положенных знаков отличия. Знаков отличия не носили в подразделении, где служил мой отец. И вряд ли это можно было считать хорошим знаком?

У мужчины было худое, словно обтянутый кожей череп, лицо и горящие, как два угля, глаза.

«Неприятный тип», – решила я.

– Ваш опекун ранен. Он теперь не может исполнять взятые им на себя обязательства.

– Но это же временно? Меня заверили, что мистер Мэйсон поправится.

– Да, но это случится не завтра и не послезавтра. На восстановление ему может потребоваться много времени. Вы же, как несовершеннолетняя, не можете распоряжаться собой.

– Полагаете, что здесь, в Магистратуре, на полном пансионе, мне может потребоваться дополнительный контроль?

– Контроль, как вам, возможно, ещё неизвестно, лишним не бывает, – с холодной улыбкой сообщил мне собеседник.

Отчего-то у меня при одном взгляде на него начиналось колотиться сердце. То ли от испуга, то ли от злости – не разобрала ещё.

– До тех пор, пока мистер Мэйсон не поправится, я буду приглядывать за вами.

– Это совершенно излишне... – начала, было, я.

– И абсолютно исключено, – раздался ледяной голос за моей спиной.

Обернувшись, я увидела высокую, стройную леди средних лет, элегантную и стильную. В ней за версту чувствовалась порода.

И родная кровь.

Женщина отчеканила:

– Мисс Старлинг совершенно не нуждается в опеки кого-бы то ни было из вашей организации.

– Я действую согласно Уставу.

– А я – согласно закону. Вы имели бы права на опекунство над дочерью Олджера Старлинга лишь в том случае, если бы не осталось ни одного кровного родственника, способного позаботиться о ней. Но, по счастью, под небом ещё достаточно Морелов, чтобы *вашей* организации не нужно было затрудняться решением этого вопроса.

Улыбка у женщины была прямо-таки вымораживающая.

– Морелы отказались от этой девочки!

– Вы можете подтвердить это документально?

Несмотря на то, что я никогда прежде не видела мою бабушку я сразу её узнала. И, как не странно, мои симпатии были на её стороне – я категорически не желала попадать под власть человека с чёрными глазами, что заставляли каменеть почище взгляда василиска.

Мужчина с ненавистью посмотрел на женщину в годах, решительно вставшую у его на пути.

– Вы согласны юридически оформить опеку над вашей внучкой, Оливия Морел?

– Уже, – всё с той же вымораживающей и одновременно с тем безупречно вежливой улыбкой, она протянула ему свиток документов.

Она лишь бегло взглянул на них и кивнув, молча вышел, оставляя нас наедине.

Какое-то время молча друг друга разглядывали.

Было время, когда я всерьёз и горячо ненавидела всю мамину родню. Мама никогда не говорила о них, но и не надо было. Я и без того понимала, как эта тема для неё болезненна. Всегда думала, что при встрече наговорю им много гадостей. Пусть знают, чего стоят, высокомерные заносчивые снобы! Странные люди, ценящие сухие догмы выше живых чувств.

Я хотела отомстить за маму не делом, нет! Но больно ранить словом – самое то!

Однако жизнь этой породистой, высохшей от горя, но не утратившей высокомерного лоска, даме уже и без меня отомстила. Куда там мне со всеми моими амбициями? Фантазии не хватит. Похоронив сына, она возненавидела дочь. А теперь и дочери у неё больше нет. Нет возможности примириться или поссориться, поругаться или обняться.

Если дети – это крылья, то у этой птицы оба крыла оборваны. Никогда ей не полетать. Я хотела бы её ненавидеть или пожалеть; хотела бы злиться или любить, но я смотрела на стоящую передо мной женщину и не чувствовала ничего.

Это было так странно.

– Вот, значит, какая ты? – протянула женщина. – Внешне похожа на свою мать. Только кость широкая.

Она это делала нарочно. Этакое отточенное аристократическое хамство без единого оскорбления – лишь вежливое, вымораживающее душу пренебрежение в каждом слове. Не «моя дочь» – «твоя мать». А «широкая кость» – признак плебса в глазах таких, как моя «бабуля».

Она сказала – я услышала. И последний шаткий мостик, что ещё можно было попытаться выстроить между нами, рассыпался пеплом, не успев наладиться. Первое впечатление невозможно произвести дважды.

Я скупно улыбнулась Так, штрихом, наметившим улыбку. Обещанием, намёком – призраком.

– Спасибо, что вступились за меня, миссис Морел, – сказала я. – Ваше вмешательство пришлось как нельзя более кстати. Сомневаюсь, что сотрудничество с таким человеком, как... ах, я ведь даже не знаю его имени? Но это к лучшему. Нам ни к чему сводить более тесное знакомство с ним, кем бы он ни был. А сейчас, если вы не возражаете, я с вами попрощаюсь?

На сухом лице с высокими острыми скулами вспыхнул лихорадочный, яркий румянец:

– Что значит – «я с вами попрощаюсь»? Я приехала в такую даль не за тем, чтобы обменяться парой ничего не значащих фраз.

Я приподняла бровь:

– Ничего личного, мадам. День был тяжёлый, а вечер, так и вовсе кошмарный. Я бы хотела отдохнуть.

– Мы живём в страшном мире, моя дорогая. Отдыхать здесь приходится редко, ну, ничего, отдохнём после смерти, – ядовито процедила «бабуля» через плотно сжатый, ярко напояженный рот. – А пока – привыкай к кошмарам.

Зачем она так накрасила губы? Вроде ведь со вкусом женщина? С этими губами она похожа на жуткого клоуна.

Клоуны – всегда жуткие. Никогда не понимала, неужели кто-то может находить забавной эту устрашающую бело-красную маску на лице?

– Не уверена, что мы правильно понимаем друг друга?

– Сядь, – скомандовала она.

– Простите?..

Она всерьёз полагает, что я стану выполнять её указания?

Даже и не подумаю. Пусть хотя бы из принципа!

– Я, кажется, ясно высказалась – сядь. Нужно поговорить.

– Я прекрасно слышу вас и стоя.

– Не терпится продемонстрировать свой характер? – усмехнулась женщина. – Мы одной крови. Ты не первая Морел, с которой я встречаюсь. Я давно усвоила, что он не сахар.

– В моём случае это скорее кофе с молоком, – услужливо подсказала я, шурясь, намекая на связь белого и чёрного, текущего в моих венах.

– Ты понимаешь, что только крайняя необходимость могла заставить меня встретиться с тобой?

– Догадываюсь, что, чем бы вы не руководствовались в своих решениях, любовь ко мне или к моей матери в списке не числилась.

Лицо женщины на миг застыло холодной маской, а потом словно пошло трещинами.

– Это упрёк?

– Констатация факта.

– Не жди, что я стану оправдываться!

– В мыслях не было.

Хотя я лгала. Ждала, конечно – не оправданий, нет. Но от разъяснений бы не отказалась.

– Только тот, кто прошёл то же, через что прошла я, имеет право меня судить, – сдавленным голосом проговорила «бабуля». – Когда один твой ребёнок убивает другого.

– Моя мать не убивала своего брата! – не выдержала я, повышая голос.

– Но она жила с его убийцей! Она прижила от него дитя!

– Мой отец вашего сына тоже не убивал!

– Возможно, не он перерезал Хэну горло, но он *был* там.

– Отец пытался его спасти.

– Однако, когда выбор встал между жизнью *моего* сына и доверием *его* старых друзей, он предпочёл не рисковать последним. Неважно, не имеет значения, что нож был в другой руке! Инквизиция – единый организм. Твой отец был его частью, а моя дочь предала семью ради убийцы.

Усталость и ощущение того, что всё бесполезно накатило внезапной тошнотой.

– Вы правы, – внезапно согласилась я.

– Я знаю.

– И неправы – одновременно! Нет страшнее войны той, что идёт в человеческом разуме. Мой отец любил мою мать, а мама любила моего отца.

– Это был её выбор. Она имела на него право. Так же как я имела право на свой: не знаясь с убийцами моего сына.

Ну вот, опять!

– Зачем же вы пришли сюда сегодня, Оливия Морел? – спросила я, устало растирая гудящие от боли виски. – Чего от меня хотите?

– Несмотря на всё случившееся, ты – часть этой семьи. Теперь, когда *их* больше нет, за поступки своих родителей ты не отвечаешь. Так что позаботится о тебе – мой долг.

– Отлично! Я не против. Заботьтесь.

А что? Я прожила несколько месяцев на свете в полном убеждении, что осталась на свете одна-одинёшенька? Наверное, кровь Морелов во мне действительно сильна? В любом случае, семья многое для меня значит. Пусть лучше такая ледяная палка, сухарь не размоченный в качестве родни, как Оливия, чем вообще никого!

– Спасибо за разрешение, – усмехнулась она. – Пожалуй, так и поступлю. И начну с предупреждения. Тебе следует быть очень, очень осторожной.

– Я всегда осторожна. Но чего, по-вашему, следует опасаться?

– Как ты думаешь, кто убил твоих родителей?

– Да кто угодно! У родителей было много врагов. Вы, например?..

Пришёл черед Оливии вскидывать бровь:

– Я не стала бы убивать свою дочь. Особенно нелогично совершать такую вендетту спустя двадцать лет.

– Ну, вы, возможно, нет, но у вас вон внук есть? Парень, насколько я разобралась, амбициозный, горячий и мстительный?

– Ты в это не веришь, – отрезала дама. – В то, что убийца один из нас.

Осталось только согласиться:

– Нет.

– Твоих родителей могли убить многие, врагов хватало, но убили их Инквизиторы. Они всегда преследовали нашу семью. А твоё рождение для Старлингов откровенный плевок в лицо. Они не оставят своих попыток. Тебе придётся очень сильно постараться, чтобы выжить, девочка.

Новость, прямо скажем, не из приятных.

– А нельзя было ещё немного поддержать меня в счастливом неведении об этом неприятном событии?

– Нельзя, – отрезала Оливия. – Кто предупреждён, тот вооружён. В Магистратуре ты в относительной безопасности, здесь всё под охраной. Сюда инквизиция не проберётся, так что постарайся как можно реже покидать пансион? Если возникнет подобная необходимость, дай знать мне. Я решу любой вопрос.

– Очень мило с вашей стороны. Спасибо.

Оливия кивнула, принимая мою благодарность.

Какое-то время мы снова молчали. И снова смотрели друг на друга. А потом, обменявшись ничем не значащими репликами о погоде, разошлись в стороны до новой встречи.

Встреча с Оливией принесли мне умиротворение, словно кто-то далеко обрёл, наконец, желанный покой. Эта встреча была как последняя точка в далёкой истории.

Несмотря на то, что час был далеко не поздний, в длинных извилистых коридорах пансиона сгустились сумерки и гуляли сквозняки. Этот сквозняк порождал неприятный, смутный гул, раздражающий и без того до предела взвинченные нервы. От сильного ветра подрагивали стёкла, а стоило взглянуть в них, как взгляд цеплялся за огромные чёрные тучи, стремительно летящие по небу, словно началась Дикая Охота. Воздух был перенасыщен влагой.

Я всё чаще ловила себя на мысли, что всё происходящее мне просто снится. Вот было бы здорово проснуться дома, в тёплой постельке, ощутить тонкий аромат блинчиков с малиновым вареньем, что мама неизменно готовила по выходным.

Я его не заметила, в потопу с разбега влетела в его объятия, как птица в силос – он сливался в полумраке с общей обстановкой. То, как внезапно он возник у меня на пути, подхватывая на полушаге, приводило к мысли, что наша встреча не случайность – Лоуэл поджидал меня.

– Вероника? – его обманчиво мягкий голос заставил меня поежиться.

– Мы стали слишком часто сталкиваться, не находишь? – нервно хмыкнула я, стараясь высвободиться из его рук. – Понятия не имею, почему?

– Ты в порядке?

Он смотрел на меня. Просто – смотрел. Почему меня от этого взгляда бросало то в жар, то в холод?

– Да, в полном, – я наконец-то высвободилась из кольца его поддерживающих меня рук и тут же почувствовала себя одиноко. – Ты со всеми такой милый, заботливый и любезный? – усмехнулась я, в смущении заправляя выпавшую прядь волос за ухо. – Или это мне так *особенно* повезло?

– Мне кажется, что за тобой следует приглядеть. Черда неприятностей не может быть простой случайностью.

– Твоё внимание очень лестно.

Я снова с трудом подавила в себе желание отвести взгляд. В его полуночно-синих глазах было нечто, заставляющее смущаться раз за разом. Сколько же нужно учиться так смотреть?

Я пыталась заставить себя думать о том, что Лоуэлу не может быть больше двадцати. Что он такой же студент, как и я сама. Пусть даже один из первых учеников – всё равно всего лишь студент. Не герой и не злодей. А моя реакция на него объясняется просто – невроз после смерти родителей и гормоны.

Физиология. Никакого волшебства.

– Лестно?

– У тебя нет причин заботиться обо мне. Мы не друзья – мы едва знакомы.

– Таким изящным способом ты пытаешься спросить меня, нравишься ли ты мне? Или ненавязчиво пытаешься поставить меня на место? – подвёл он итог нашему обмену любезностями.

Его синие глаза сейчас были так близко, что голову начинал застилать непонятный, окрашенный розовым, туман. Как в мультиках – с сердечками. Мне это категорически не подходило, но как с этим справиться, я не знала. Именно от того, что я испытывала смятение, мой голос и стал слаще сиропа с патокой.

– Я не слишком прозорлива и, возможно, даже не слишком умна, но сообразить, что едва знакомый человек просто так беспокоиться о тебе не станет – не сложно. Ты же уже дважды неприкрыто проявил интерес ко мне?

Он в ответ рассмеялся, тихо и немного зло:

– На самом деле – трижды.

– Дважды, – настаивала я. – Я хорошо умею считать.

– Не так хорошо, как думаешь. По-твоему, я принёсся сломя голову спасать Адейра?

– По-моему, ты исполнил то, что все от тебя ждали – роль героя-спасителя.

– Все ждали? – с издёвкой подначил он. – В том числе и ты?

– В том числе и я, – на мгновение я запнулась, усомнившись в собственных словах. – Наверное.

– Ты мне не доверяешь?

Голос его прозвучал весело. Хотя нет – скорее подтрунивающе-ехидно.

– Согласись, всё слишком идеальное вызывает сомнение?

– А я – идеален? – веселья в его голосе лишь прибавилось.

– Ну, насколько я успела разобраться, ты – гордость Магистратуры, любимчик учителей и девушек. Ты сильный маг и просто красавчик. Так что, можно что – да. Ты идеален.

– И столь идеальный я не могу интересоваться тобой? У тебя проблемы с самооценкой, Морел? Представителям твоей семьи это не свойственно.

Сказав это, он сам передёрнулся и перестал улыбаться. Видимо, сообразил, что допустил ошибку, назвав меня не тем именем.

– Что тебе от меня нужно? – отбрасывая игривый тон, жёстко спросила я. – Зачем ты пытаешься втереться ко мне в доверие?

Я заметила, как правая рука его нервно сжалась и разжалась, когда он перехватил мой взгляд.

– Интересно выслушать твою версию? – ехидно прозвучал его вкрадчивый голос.

Он шагнул ко мне, видимо, рассчитывая, что я испуганно отступлю, но я этого не сделала. И взгляда не отвела. В результате мы оказались стоять слишком близко.

– Думаешь, я планирую тебя убить? По-твоему, для того, чтобы сделать это, мне требуется твоё доверие? Или чьё-либо другое?

– Я не знаю, Лоуэл. Но ты странный.

– Идеальный?..

– Любой идеал фальшив. А когда маска слетает, настоящее лицо редко нравится.

Он скептически поднял бровь.

Когда его пальцы поднялись к моему лицу, мягко ухватив за подбородок я, не сдержавшись, дёрнулась.

– Спокойнее, Старлинг, – протянул Лоуэл и глаза его светились совершенно по-кошачьи. – Если бы ты заглянула в мою душу, хоть одним глазком, тебе, возможно, стало бы очень страшно. Какие бури во мне бушуют и каких зверей мне приходится держать в клетке – лучше никому не знать.

– Так я и не пытаюсь, – заверила я его. – Твои звери – твои проблемы.

– А если я хочу, чтобы ты попыталась. Приручи меня, Морел. Тебе это под силу?

– Это что? Вызов?

– Возможно. Принимаешь? – медленно, растягивая слова, проговорил он, не сводя с меня глаз.

– Возможно.

Лоуэл рывком притянул меня к себе, с силой обнимая за талию. Рука его властно легла мне на затылок, не давая возможности увернуться, вырваться или выскользнуть. Не успела я опомниться, как его губы накрыли мои.

Это было так странно. Не сам поцелуй, нет, но... хотя и он сам тоже. Я не ожидала ничего подобного. Я не была к этому готова. Я как-то иначе представляла себе Свой Первый Поцелуй с парнем, о котором думала больше, чем о ком бы то ни было другом раньше.

И всё же... несмотря на то, что я была уверена, что Лоуэл мне нравится, мне вовсе не понравилось то, как грубо он прижал меня к холодной стенке.

Я попыталась вырвать своё запястье из его рук, но ничего не вышло.

Я постаралась оттолкнуть его правой рукой, но добила лишь того, что и оно оказалось сжатым в его ладони.

Я судорожно вздрогнула, почувствовав, как он прижимается ко мне всем телом, вжимая в стену. Почувствовав, как его рука сжала грудь, я окончательно разъярилась. Да кто ему разрешал так со мной обращаться?!

Именно на тот случай, если я окажусь с парнем в ситуации, когда не смогу её контролировать, мама и научила меня этому заклинанию. Оно реально очень жёсткое, и направлено обычно на нежить вроде вампиров или оборотней. Его цель – при помощи боли обездвижить врага. Ну, и убежать, соответственно.

Нужно оговориться – меня возмутил не только (и не столько сам поцелуй), сколько сама ситуация в целом. Если этот напыщенный, самоуверенный индюк возомнил, что может со мной играть, следует раз и навсегда расставить приоритеты!

Я не играю. Особенно по чужим правилам. Особенно с теми, кто способен меня ранить.

Я ударила его болевым заклятием. В основе его была ментальная магия и, откровенно говоря, я думала, что маг с уровнем Лоуэла от него закроется. Но он этого не сделал. Скорее всего от неожиданности, а не от недостатка умений.

Хватку он ослабил, застонав сквозь сжатые зубы:

– Ну зачем же так сразу?

– Чёрт бы тебя побрал, Ворон! Немедленно отпусти меня!

Я приготовилась драться уже всерьёз.

Он заключил меня в своеобразную клетку, продолжая опираться руками о стену. Хорошо хоть, пока снова руками не трогал. Но всё равно, расстояние между нами было ничтожно маленьким.

Глаза Лоуэла полыхали злым весельем. А может быть, всё дело было в отблеске света?

Меня бросило в жар. От всего сразу – от гнева, от унижения, от страха и разочарования.

Я вдруг осознала, что мы одни в глухом коридоре. Мэйсон в больничном крыле, лояльные ко мне сокурсники – в комнате, а против Ворона я, положив руку на сердце, ни капли не боец.

Я боялась оторвать взгляд от его лица, словно взглядом можно кого-то удержать на расстоянии.

– Не обязательно использовать запрещённую чёрную магию, Вероника. Иногда достаточно простого слова «нет», – его губы были так близко, что я чувствовала его дыхание при каждом произнесённом слове.

– Нет, – пролепетала я, ненавидя себя за то, как по-детски тонко прозвучал мой голос.

– На «нет» и суда нет, – Лоуэл, резко оттолкнувшись от стены, отступил.

Он наблюдал за мной, слегка сощутив глаза, склонив голову на бок.

Жар сменился неприятным ознобом, словно меня сковало льдом. Я с ужасом поняла, что это состояние не связано с эмоциями – я *действительно* не владела моим телом, как если бы меня неожиданно разбил паралич – не могла двинуть ни рукой, ни ногой. Да что там? Я дышала с трудом!

Воздух тонкой ниточкой тёк по горлу. Его отчаянно не хватало, но даже закашляться не получалось.

Улыбка Лоуэла никогда не казалось мне милой. А сейчас от неё откровенно бросало в дрожь.

Он снова больно схватил меня за руку, притягивая к себе. Его дыхание было единственным, от чего веяло теплом в окружившем меня искусственном холоде.

– Смелая выходка. Или – очень глупая, как посмотреть? Ты ведь не думаешь, что тебе это сойдёт с рук, Морел?

Он снова приподнял бровь:

– Ах, да! Ты же не можешь ответить? Попробуй теперь.

Холод отступил, оставляя тепло в горле. Я по-прежнему не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой, но дышать стало легче.

– Ты псих, – пролепетала я.

Он хотел меня напугать. И напугал. Отрицать очевидное бессмысленно.

Меня трясло, но я всеми силами пыталась скрывать свой страх. К сожалению, моё резюме его только порадовало.

Ворон прижался щекой к моей щеке, словно вбирая в себя, вдыхая аромат моих духов и кожи. Кончики его холодных пальцев пробежали по ямочке на моей шее.

– Псих? Не знаю. Может быть. Иногда. Я не боюсь своих желаний. И последствия моих действий меня никогда не пугали.

– Мне-то какое дело до твоих желаний? – презрительно скривилась я. – С сегодняшнего дня я буду держаться от тебя подальше.

– Зачем?

Вот ведь и правда интересный вопрос? Ну, о чём ещё можно спросить в подобной ситуации?

– Психи не в моём вкусе. Ты меня разочаровал.

– Жаль, если это действительно так. Возможно, я переусердствовал слегка? На самом деле я всего лишь хотел преподать тебе урок. Мораль сей басни такова: не стоит связываться с превосходящим по силам противником.

– Урок усвоен. Я не стану связываться с превосходящим меня по силам *противником*, – сделала я акцент на последнем слове. – А теперь, когда мы расставили все точки по предложениям, может, отпустишь меня уже, наконец? И к слову, мужчины, которые все время преподают женщинам урок – это скучные мужчины.

– Ладно. Если я признаю, что был неправ, что иногда меня заносит, мои извинения будут приняты? Мы останемся друзьями? – насмешливо протянул он.

Издевается?!

– Прости, но искушение подразнить тебя, совсем немного, оказалось непреодолимым.

– Глупые у тебя развлечения. Я думала, ты умнее.

– Ну, это не совсем развлечение. Ты же понимаешь?

Улыбка вдруг сошла с его лица.

Вообще, у него очень быстро менялись настроения. Словно кто-то страницу перелистывал или канал переключал. То ледяной, как айсберг, а в следующее мгновение набрасывается на тебя с поцелуями. То шутит с тобой, а потом заставляет парализованным столбом застыть.

– Я хотел тебя поцеловать. Не спрашивай, почему. Такое с людьми иногда случается. А ты вообще в курсе, что заклятие, подобное тому, что ты в меня швырнуло, способно убивать?

Он смотрел на меня так, словно я сделала что-то забавное. Но мы оба знали, что это не так. Дойди эта выходка до постороннего сведения, меня вполне могли исключить за такую магию из данного заведения.

– Вижу, в курсе, – удовлетворённо кивнул он. – Ты готова была меня убить за один поцелуй, Морел? Неужели я так плохо целуюсь? Или... есть другие причины?

Я молчала, не зная, что ответить.

– Ну, и кто из нас двоих псих? – он смотрел внимательно, изучающе.

Так же, как тогда, на стадионе – пристально, пронзительно, словно препарируя одним взглядом. Прожигая меня глазами.

Однако в голосе его не было ни яда, ни злости. Лёгкая тень насмешки.

В ответ я пожала плечами и молча отступила. На этот раз меня больше не удерживали. Я была свободна.

И где моя радость? Я испытала одновременно и облегчение, и обиду. Логика? Не-е. Не слышали о таком. Потому что чувства, заполнившие меня, были совершенно нелогичны. Хотелось плакать.

Этот день опустошил меня. До дна. Я чувствовала себя выжитой и эмоционально, и физически.

Я умудрилась добраться до обеденного зала за несколько минут. Это тем более странно, что я сделала это чисто на автомате. Не помню, как шла.

Ужин уже подходил к концу, благо Амайя и Вин оставили для меня еду.

– Как ты? – сочувственно посмотрела на меня подруга.

Даже Камилла вела себя по-человечески.

– Всё нормально?

Больше всего на свете мне хотелось стать невидимкой.

В местах, где так много людей плохо одно – ты почти никогда не остаёшься наедине с самим собой. За тобой всё время следят чьи-то глаза. С тобой всё время кто-то говорит. Тебя ни на мгновение не оставляют в покое.

Оставшись, наконец, в ванне, я оторвалась и как следует наревелась. Делать это пришлось очень тихо, чтобы девчонки ничего не услышали. Но, как обычно это бывает после того, как проплачешься, на душе полегчало.

Однако спала я в ту ночь очень плохо.

В ушах всё звучал финальный вопрос Лоуэла: «И кто из нас псих?».

Он ошибается! Я не убийца! Я не собиралась никому причинять вред – просто испугалась. Да и не было никакой опасности. Ему просто хотелось заставить почувствовать меня виноватой перед ним. Он опасный человек, интриган и манипулятор. И неизвестно, чего он до меня докопывается? Что ему от меня надо? Нужно выбросить его из головы, со всеми его странностями, с этими его огромными полуночно-синими, переменчивыми глазами и настроениями.

Я проворочалась одну половину ночи, а вторую меня мучили кошмары. Мы снова боролись, я шипела как змея, бросалась в него заклинаниями, за которые вполне реально получить тюремный срок. Но у него всё равно оставалось преимущество.

Во сне я вновь оказалась прижатой к стенке. И он вновь целовал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.